

Ольга Егорова

Волчья ягода

«Как судьба решит — так и будет.
Можно сопротивляться
сколько угодно. Тогда от этого
не будет — никакого».

Ольга Егорова

Волчья ягода

«Амиргамзаева Ольга»

Егорова О.

Волчья ягода / О. Егорова — «Амиргамзаева Ольга»,

ISBN 978-5-17-043154-0

Майя наивно поверила в чувства и обещания своего парня – и вот осталась одна, без средств к существованию, к тому же беременная. Что делать? Избавиться от ребенка? Героиня принимает трудное решение – во что бы то ни стало рожать. И фортуна вроде бы ей улыбнулась: в ее жизни появляется Арсений – человек, который любит ее и готов полюбить ее будущего ребенка. Казалось бы – идиллия. Однако в жизни ничего не бывает так просто – на пути влюбленных возникает множество препятствий. Хватит ли сил их преодолеть? И главное – смогут ли они сохранить свою любовь?

ISBN 978-5-17-043154-0

© Егорова О.

© Амиргамзаева Ольга

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Волчья ягода

Всегда – Карине

Часть 1

Ночью ему снились какие-то экзотические рыбы.

В синеватой, хрустально-прозрачной пустоте они висели почти неподвижно, лишь изредка плавно покачивая фосфоризирующими в пробивающемся сквозь толщу воды солнечном свете плавниками. Все рыбы были разноцветными. Одна из них, самая крупная, рубиново-красная в мелкий белый горошек, висела совсем рядом, так близко, что можно было различить и ее печальный оранжево-черный глаз с правой стороны, и каждую сверкающую чешуйку, и даже мелкий ряд жемчужно-белых зубов, выглядывающий из приоткрытой в меланхолической задумчивости пасти.

Вокруг этой рыбы висели, как сверкающие игрушки не нежно-голубой елке, десятка два еще более мелких рыбешек, каждая из которых поражала многоцветием. Несколько плоских, похожих на камбалу, жительниц этого странного сна имели расцветку, которой мог бы позавидовать любой уважающий себя попугай из африканских джунглей. Синий, желтый, фиолетовый, зеленый и красный цвета сменяли друг друга с какой-то божественной плавностью, и невозможно было, как ни старайся, различить границы этих переходов из одного цвета в другой. Внизу, в некотором отдалении трехмерной поверхности сна, в пучке темно-зеленых бархатных водорослей копошились мальки, похожие на крошечных светлячков. Прозрачные пузырьки воздуха медленно поднимались к поверхности, по дороге вверх лопались и разлетались хрустальными осколками, превращаясь в искрящийся фейерверк. В самом низу, на дне, этот свет отражали подвижные перламутровые раковины, пропускали его через себя и становились тоже почти прозрачными, до такой степени прозрачными, что можно даже было разглядеть сквозь них беззащитно-розовое тело спрятавшегося внутри моллюска.

Вокруг царила полная тишина и умиротворение, которыми можно было наслаждаться бесконечно.

Но внезапно все изменилось самым печальным образом.

Рубиново-красная рыба – та, что была самая крупная и находилась ближе всех – медленно открыла пасть и запела соловьем.

Соловьиное пение в устах рыбы выглядело настолько нелепым, что от этой нелепости ему сразу захотелось проснуться. Остальные рыбы продолжали висеть вокруг совершенно невозмутимо, как будто успели уже привыкнуть к странностям своей рубиново-красной подруги, вообразившей себя птицей. Им даже как будто нравилось это дикое пение, в такт которому они теперь оживленно размахивали плавниками и двигали жабрами.

Как на дискотеке.

«Замолчи, а?» – пробормотал он во сне, обращаясь к рыбе.

Рыба в ответ залилась соловьем еще громче, еще протяжнее. Словно в насмешку.

Он резко перевернулся на другой бок, надеясь прогнать странное сновидение.

Рыбы послушно исчезли, а соловьиная трель осталась. Она продолжала надрывно звучать, и некуда было от нее деться, разве только проснуться окончательно к собственной досаде.

Что он и сделал. Открыл глаза и некоторое время бессмысленно таращился в потолок, а Соловей-разбойник продолжал надрываться в прихожей, в области входной двери.

Наконец он понял, что никакая это не рыба и не соловей.

Это какой-то идиот приперся к нему в гости ни свет ни заря. Будильник, стоящий на прикроватной тумбочке, весело усмехнулся в ответ на эти его мысли, растянув свою плоскую улыбку вдоль квадратного лица-циферблата: пятнадцать минут десятого.

Он нахмурил в ответ брови: это надо еще доказать, что будильник вообще ходит. Может быть, он остановился вчера в четверть десятого вечера. А может быть, Заяц потихоньку подвел ему стрелки, чтобы утром папа удивился.

Черт, подумал он, надо ведь встать и открыть дверь.

Поднялся с кровати, на ходу впрыгивая в домашние шорты, преобразованные путем отрезания нижних частей из прошлогодних джинсов, и помчался в прихожую. Конечно же, налетел по дороге на замок Белоснежки. Замок пошатнулся и рухнул, из него посыпались на пол застывшие полусонные рыцари, и сама Белоснежка беззащитно выкатилась на пол, и как назло, попала как раз под ногу. Чтобы не раздавить Белоснежку, ему пришлось совершить в воздухе головокружительный кульбит, сопровождаемый автоматной очередью отборнейшей брани. Заяц и понятия не имеет, что его папа зовет такие слова. Слышал бы он сейчас...

– Да иду, иду уже! – проорал он в прихожую в ответ на очередной нетерпеливый звонок, снова споткнувшись на ходу о гарнизон солдат, призванных нести ночной дозор, охраняя покой Белоснежки. Снова выругался, на этот раз чуть тише, и распахнул наконец дверь, по привычке не посмотрев в глазок и не поинтересовавшись, как учила в детстве мама, кто там, за этой дверью, и зачем он пожаловал.

За дверью стояла совершенно незнакомая девица. Со строгим лицом и холодным взглядом. На плече у девицы лежала толстая и длинная змея с блестящей черной шкуркой, отливающей прохладной синевой. По всей видимости, змея спала, потому что лежала совершенно неподвижно. Змеиной головы видно не было, а на кончике хвоста, спокойно висящем в области девицыной талии, поблескивал желтый ободок.

«Кобра», – догадался он почти сразу и даже поежился.

Девица продолжала стоять и таращиться не него с некоторым удивлением. Как будто это у него на плече лежала змея, а не у нее. Тонкие брови сошлись на переносице, образуя крошечную трещинку-морщинку.

Очевидно, она была чем-то недовольна. «Наверное, это потому, что я лохматый», – раздраженно подумал он, протестуя в глубине души против ее необоснованных претензий, но все-таки зачем-то пригладил волосы руками.

«И какого черта приперлась», – продолжал он мысленно ворчать, разглядывая ее острые коленки, выглядывающие из-под юбки в клеточку. Острые коленки и странная эта, ужасно старомодная, юбка, казались принадлежащими девочке-школьнице, затюканной отличнице, но уж никак не дрессировщице кобр и прочих ядовитых гадов. А взгляд у школьницы-дрессировщицы был такой, как будто она вообще... майор милиции.

– Вы вообще-то к кому? – наконец нарушив молчание, спросил он, и услышал в ответ совершеннейшую нелепость:

– Я вообще-то повар.

– Повар, – пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Вот как. Повар, значит. А змеюка эта, которая на плече висит, выходит, для котлет предназначена. Или для супа. Все понятно. Непонятно только одно – он-то здесь при чем?! Какого черта надо было будить его, Арсения Волка, который, между прочим, лег спать всего лишь несколько часов назад, потому что почти всю ночь строил для сына замок Белоснежки?! У него ведь, между прочим, сегодня законный выходной, воскресенье. И что же получается? Что эта сумасшедшая со змеюкой на плече решила разбудить его, оторвать от созерцания прекрасного цветного сна с диковинными рыбами только лишь для того, чтобы сообщить ему, что она – повар?

И что ему теперь с ней сделать? Убить, что ли?

– Повар, значит, – снова пробормотал он, не пытаясь скрыть неприязни в голосе. – Поздравляю. У вас замечательная... почетная, можно даже сказать... профессия!

И с силой захлопнул дверь прямо перед самым носом обалдевшей девицы-повара.

В последний момент успел заметить, как колыхнулся в потоке воздуха змеиный хвост, и вдруг догадался, что никакая это была не змея, а обыкновенная коса. Очень черная и очень блестящая. А кольцо на конце – просто резинка...

– Черт, – пробубнил он себе под нос. Глубоко вздохнул, прислонился спиной к прохладной поверхности стены, и, закрыв глаза, попытался успокоиться. Это ж надо было косу со змеей перепутать? Не успел, видно, до конца проснуться. Только где это видано, чтоб девицы в наше время носили такие вот длиннющие толстые косицы, скрепленные на конце желтыми резинками? Это ж совсем невероятно. Кобра – она и то вероятнее. И юбки такие, в клеточку и в складочку, тоже уже давно никто не носит. Мама, наверное, носила, в те еще времена, когда в школе училась.

«И вообще», – неопределенно подумал Арсений Волк.

В этом «вообще» чувствовалась странная неловкость. За неловкость он на себя снова разозлился. Открыл глаза и увидел на полу кучу разбросанных на полу солдатиков, и повалившийся замок, и несчастную Белоснежку, которую не уберег... Надо бы собрать все это, привести в первозданный вид, чтобы проснулся Заяц, и захлопал в ладоши, чтобы пришел в полный восторг от такого подарка к своему седьмому по счету дню рождения...

День рождения ведь сегодня у сына! Вот, теперь окончательно он проснулся, и вспомнил про этот день рождения, и про Замок, который сооружал почти до утра, тревожно озираясь на дверь детской спальни и прислушиваясь с опаской, не проснулся ли там Федор, не вознамерился ли выйти из своей комнаты и застать отца за приготовлением сюрприза. И это только первый сюрприз, а еще сколько предстоит этих сюрпризов! И воздушные шары в комнате, и большой плакат с Винни-Пухом, и поход в парк, и вечернее застолье в кругу верных товарищей-первоклассников, и торт со свечами, и непременно – любимый салат «Оливье», и обожаемые котлеты из куриного мяса, и не какие-нибудь там полуфабрикаты, нет, боже упаси, наелся Заяц уже этих полуфабрикатов! Все настоящее, вкусное, из свежих продуктов, только что приготовленное... И не беда, что нет у Зайца мамы, которая могла бы колдовать у плиты – на этот случай он пригласил настоящего, профессионального повара...

Повара?!

– У-у-у, – завыл по-волчьи Арсений Волк, оправдывая принадлежность к своей волчьей фамилии. Хлопнул себя по лбу громко и больно, снова, в третий раз уже за это короткое утро, выругался нецензурно, и помчался, почти без надежды, догонять девицу со змееподобной косой через плечо.

Двери лифта захлопнулись у него перед носом, и он даже успел увидеть, как мелькнула в узком и темном проеме черная коса-змеюка.

– Пойдите, пожалуйста! – проорал он лифту, но лифт, конечно же, не остановился, несмотря на уважительное к нему обращение. Арсений помчался вниз, сломя голову, перескакивая через три ступеньки, мысленно благодаря судьбу за то, что она предоставила ему шанс догнать девицу-повара, и проклиная себя за собственную несообразительность. Между третьим и вторым этажом ему повстречалась тетя Римма, занятая утренней уборкой подъезда – маленькая и сухонькая, законсервированная в давно минувших своих пятидесяти годах, всегда улыбающаяся грустной улыбкой.

– Здрсть, тетя Рим! – отрапортовал Арсений, на ходу перепрыгивая через алюминиевое ведро и устало прислонившийся к нему веник.

– Здравствуйте, Сенечка, – проговорила вслед тетя Римма, явно чему-то удивившаяся.

Ну подумаешь, скачет по лестнице лохматый мужик в не застегнутых мятых шортах – чему удивляться-то? Может, это у него такая утренняя пробежка? Не всем же нарезать круги на стадионе, иногда полезно и по лестнице побегать... Было бы у него время, он бы объяснил тете Римме про стадион...

Запыхавшись, он остановился напротив дверей лифта, для верности уперся руками в стену с обеих сторон, чтобы не осталось у девицы никаких шансов на побег. Упускать ее было нельзя, потому что за такой короткий срок он уже едва ли сможет найти нового профессионального повара, и значит, кирдык-капут Федорову дню рождения, и товарищей-первокласс-

ников придется провожать по домам не солоно хлебавши... Эх, это ж надо было так опростоволоситься, а?

Лифт плавно приземлился, призадумался на несколько секунд, стоит ли отдавать на растерзание Арсению Волку несчастную девицу-повара, и все-таки распахнул двери.

Глаза у девицы были огромными и круглыми, когда Арсений запикивал ее обратно в лифт. Закричать она не успела, но то, что успела ужасно испугаться – это было очевидно.

– Это я! – успокоил ее Арсений. – Вы не пугайтесь!

– Вы... кто? – пробормотала она, все еще не понимая, что это не ограбление и не изнасилование.

Вообще ничего плохого.

– Я! – повторил Арсений, удивляясь ее непонятливости. Нажал на кнопку, и только после того, как двери лифта снова плавно закрылись, немного успокоился.

– Это я, тот, к которому вы шли... Арсений, Волк... Я вас выгнал, извините, я просто забыл про вас, а теперь вот вспомнил... Тьфу, черт, почему он не едет?

Лифт закрылся и стоял на месте, не двигаясь.

– Застрял, что ли?! – ахнул Арсений, тут же вспомнив про Зайца, оставленного одного в незапертой квартире. От отчаяния опять захотелось завывать. – Черт! – снова выругался он и принялся отчаянно стучать в дверь лифта кулаками. Ударил раз, другой, третий, потом обессилено ткнулся лбом в прорезиненный промежуток между захлопнувшимися створками железной кабины. Интересное кино! И сколько времени ему теперь, интересно, придется торчать здесь, в этой полутемной железной коробке? Час, два, а может быть, три? А если в воскресенье у лифтеров вообще выходной?

– У-у-у, – опять завывал Арсений.

– Вы чего это? – раздался за спиной голос девицы, о существовании которой он уже успел позабыть.

Она тронула его за плечо, заставив обернуться. Он обернулся, а она снова его за плечо потянула, отодвигая куда-то в сторону. Арсений послушно шагнул влево, освобождая панель с кнопками на стене лифта.

Оказалось, что именно это от него и требовалось. Смерив Арсения взглядом, который даже в темноте остановившегося лифта можно было расценивать как крайне презрительный, девица спокойно нажала на кнопку с цифрой «пять», и лифт в ту же секунду послушно поехал.

– Вы волшебница? – спросил Арсений, полностью обалдевший от такого поворота событий.

– Я повар, – напомнила девица.

– А лифт тогда почему поехал? – не унимался он, вполне сознавая вопиющую глупость собственного вопроса, и все же не имея сил от него удержаться.

– Потому что я нажала на кнопку с цифрой «пять», – терпеливо и совсем не заносчиво пояснила девица. – А вы нажимали на кнопку с цифрой «один». Поэтому он закрылся и остался стоять на месте.

– А, – только и проговорил Арсений.

От стыда захотелось провалиться сквозь землю. То есть, сквозь пол лифта – вниз, прямо в шахту. Эх, будь он сейчас на ее месте – непременно бы сказал насмешливое «Бэ» в ответ на свое глупое «А»! А девица надо отдать ей должное, деликатно промолчала...

– Я так разволновался, потому что у меня там дверь открытая, и Заяц... Ну, то есть, сын... Это я сына так зову, Зайцем, а вообще он у меня Федор... – запутавшись, Арсений замолчал.

– Волк? – спросила девица.

– Что?

– Я спрашиваю, ваш сын Заяц, он тоже – Волк?

– Тоже Волк, – улыбнулся Федор, почувствовав прилив гордости. – Мой же сын...

– Понятно, – ее ответ утонул в шуме открывающейся дверной коробки.

– Приехали, – облегчено вздохнул Арсений, торопливо протискиваясь в квартирную дверь и прислушиваясь: нет, кажется, не успел еще Федька проснуться. Ну и слава богу! Вот ведь, как хорошо все вышло: и повара успел поймать, и лифт остановившийся мгновенно заработал, и Заяц не успел проснуться... Вот теперь осталось только замок подремонтировать, рыцарей по местам расставить, Белоснежку многострадальную усадить на балкончике с резными перилами... – Вы проходите, девушка... Не стесняйтесь...

– Я не стесняюсь, – спокойно ответила девица, по-быстрому расшнуровала кроссовки и интуитивно двинулась в сторону кухни. Арсений поплелся следом, как загипнотизированный, глядя на ее черную блестящую косу, которая змеилась теперь вдоль позвоночника, спускалась ниже талии и заканчивалась почти там же, где заканчивалась короткая клетчатая юбка. Ужасно клетчатая и...

И совершенно ужасно короткая. Нарочно, что ли, она надела эту короткую юбку? Специально для того, чтобы застать его, Арсения Волка, в тот самый момент, когда он так сосредоточенно пялится на ее ноги и ничего вокруг не замечает? Чтобы смерить его презрительно-насмешливым взглядом и спросить ядовитым голосом:

– Вы что, не слышите? Я к вам обращаюсь!

– Я... э-э... задумался, извините, – ответил Арсений, почти краснея.

– Я спрашиваю, где продукты?

– В холодильнике, где же им еще быть, – снисходительно ответил Арсений, распахивая дверцу холодильника. Пока он выгружал на стол продукты, она стояла и смотрела ему в спину. Он отчего-то чувствовал ее взгляд, и этот взгляд прожигал его, как будто и не взгляд вовсе, а какие-то совершенно особенные лучи, с помощью которых человек не только видит другого человека насквозь, но к тому же еще и читает его мысли.

А мысли Арсения по-прежнему вращались вокруг девицыных ног, худых и очень длинных, одетых в беленькие носочки.

– У меня здесь полы не очень чистые, – хмуро пробасил он, не оборачиваясь. – Вы бы надели тапочки.

– Ничего страшного, – ответила она равнодушно.

– Потом не говорите, что я вас не предупредил.

– Не скажу. Вы, кажется, курицу забыли.

– Что? – он захлопнул дверцу холодильника и повернулся к укротительнице змей и лифтов лицом. – Какую еще курицу?

– Ту самую, из которой я котлеты должна делать...

– Котлеты... – простонал Арсений. – О, господи... Котлеты... Вот сволочь-то, а? Вот сволочь!

– Кто сволочь? – устало поинтересовалась укротительница.

– Да Сидор! Сидор, мать его! Сволочь распоследняя... Эх! – Арсений безнадежно махнул рукой.

– Сидор – это тоже ваш сын? Волк?

– Сидор – это кот! – отмахнулся Арсений. – Никакой он не волк, он скотина настоящая... Я же эти грудки куриные на столе оставил... размораживаться... А он, сволочь... Простите меня, конечно... Он их сожрал, гад такой! Эх, убью!

Арсений пулей вылетел из кухни, надеясь отыскать кота и высказать ему все, что он о нем думает.

– Вы что же, – донеслось ему вслед, – всерьез полагаете, что ваш кот съел за ночь полтора килограмма куриного мяса, да? И даже косточки не оставил?

– Полагаю, что эта гадина его затарила... На черный день! И даже знаю, куда! – отозвался Арсений, опускаясь на колени перед диваном в гостиной. Так и есть – пахло курицей, остатки которой бледно розовели у стены. Кота поблизости не было.

– Нашли? – послышался любопытный голос. Арсений обернулся и обнаружил в дверном проеме все ту же девицу, о существовании которой в порыве гнева позабыл уже во второй раз за время их недолгого знакомства. Вернее, сначала обнаружил ее ноги. Из положения лежа на полу они выглядели невероятно длинными.

– Нашел, – прокряхтел он в ответ и принял вертикальное положение. – Господи, что за день сегодня такой... Сумасшедший...

– И что вы теперь с ним сделаете? – поинтересовалась девица, взглядом показывая под диван.

– Убью, я же сказал, – равнодушно отозвался Арсений.

Если бы он убивал кота каждый раз, когда собирался его убить, восьми кошачьих жизней, определенно, оказалось бы мало.

– Что-то не верится, – усмехнулась в ответ девица. Усмешка очень быстро сползла с ее лица, на котором вмиг появилось выражение профессиональной озабоченности: – Из чего же мне теперь делать котлеты?

– Я сейчас... Сейчас схожу в магазин и куплю курицу. Здесь у нас поблизости магазин, там всегда свежие куры, Михайловские...

Она молча кивнула и исчезла в дверном проеме. Арсений поплелся следом, пытаясь на ходу сообразить, какую бы мучительную казнь придумать для кота. Чтобы этот гад умер не сразу, а постепенно, чтобы полностью перед смертью успел прочувствовать всю степень своей вины, ощутить всю глубину своего запоздалого раскаяния?

Лапы ему сперва, что ли, отрубить? А потом – уши отрезать?

Девица-повар уже суетилась на кухне, не подозревая, какие ужасные мысли бродят в голове ее временного работодателя. По-хозяйски гремела кастрюлями, тарелками и ножами, зажигала газовые конфорки, наполняла кастрюли водой.

Вспомнилась сразу, конечно же, Татьяна, которая буквально еще несколько месяцев назад точно так же гремела на кухне теми же самыми кастрюлями. Несколько месяцев назад – это номинально, в соответствии с перекидным календарем, прикрепленным к кухонной стене канцелярскими кнопками. А вообще с тех пор уже целая жизнь, кажется, прошла...

И даже, может быть, не одна.

Теперь Арсений с Федором остались вдвоем. Два одиноких Волка. А Татьяна, хоть и была тоже Волк, отбилась от стаи, променяла ребенка и мужа на арбузы.

Как выяснилось на десятом году семейной жизни, арбузы были ей дороже, чем ребенок и муж.

Арсений тяжело вздохнул и снова, в который раз уже за это утро, на себя разозлился. И что это он, в самом деле, вздыхает?

– Кажется, вы в магазин идти собирались, – напомнила девушка-повар, не оборачиваясь.

– Так я уже иду, – отозвался Арсений, не двинувшись с места.

– Я заметила, – откликнулась девушка. – Вы что же, прямо так и пойдете?

– Прямо так – это как?

– Ну, вот так. Не причесавшись, и в этих... бриджах?

– А чем это вам так не понравились мои... бриджи? – всерьез нахмурился Арсений, разглядывая сверху неровно обрезанные и обмахрившиеся штанины, на одной из которых красовалось внушительных размеров масляное пятно, очертаниями напоминающее южно-американский континент.

– Так вы их хотя бы застегните, – вздохнула девица, по-прежнему не оборачиваясь.

«Заметила, значит», – усмехнулся он мысленно и к величайшему собственному удивлению, слегка покраснел.

Интересно, если мужик, прожив на свете без малого тридцать лет и ни разу в жизни за эти без малого тридцать лет не покрасневший, внезапно вдруг краснеет – это что значит? Что он совсем свихнулся, или мужиком быть перестал, или...

Или еще что-нибудь?

– Застегнул, – нахально сообщил он девице и даже усмехнулся, пытаясь отомстить ей за предательский юношеский румянец, который никак не хотел исчезать со щек.

– Поздравляю, – спокойно ответила она. Обернувшись наконец, отложив в сторону недочищенную ярко-оранжевую морковь, посмотрела на него пристально и сказала:

– Вы понимаете, что я не смогу приготовить котлеты из курицы, если у меня не будет курицы?

– Логично, – согласился Арсений. И почему-то опять не сдвинулся с места.

Девушка продолжала сверлить его взглядом. Он вдруг испугался, что она, не выдержав его странного ослиного упрямства, просто разозлится, плюнет на все и уйдет, оставив его наедине с недочищенной морковкой и целой кучей разнообразных продуктов, с которыми он практически не умел обращаться. Нет, так нельзя, сказал он себе.

– Да вы не переживайте, девушка, я сейчас, мигом... Здесь близко, говорю же...

– Я не переживаю, – ответила она, и по выражению ее лица, и по интонации можно было легко догадаться о том, что она переживает, и очень даже сильно переживает из-за того, что связалась с этим полоумным типом, и уже проклиная тот день и час, когда согласилась на эту безумную авантюру, и...

И много еще чего такого можно было прочесть по лицу девушки.

Надо же, вдруг подумал Арсений, столько времени они уже общаются, а он, свинья, до сих пор не спросил, как ее зовут. Все называет ее про себя то девицей, то девушкой-поваром, то укротительницей лифтов, то дрессировщицей змей...

– Кстати, вас как зовут?

– Майя, – ответила она, снова отвернувшись к своей морковке.

– Майя, – повторил Арсений. – Такое редкое имя... Вас так называли, потому что вы в мае родились, да?

– Нет, – устало ответила она. – Меня все всегда об этом спрашивают. Не поэтому.

– Странно, – удивился чему-то Арсений.

– Что же здесь странного? Вот вы, например, в каком месяце родились?

– Я? Я в августе родился...

– Ну вот, вас же не называли Августиним?

– Не называли, – отчего-то смутился Арсений. Как будто и правда было что-то неправильное в его имени и на самом деле родители обязаны были назвать его Августиним в соответствии с месяцем рождения.

Августин Афанасьевич. Еще и Волк, к тому же.

С ума сойти можно.

– В нашей семье давняя традиция давать детям русские имена, – пояснил он. – Отца Афанасием зовут, деда звали Егором, прадеда – Иваном. И еще вот Федора зовут... Федором.

Его собеседница без интереса кивнула, с громким звуком откупоривая банку зеленого горошка.

– Вы и кота своего Сидором называли в честь этой традиции, да?

– Да, получается, и кота тоже...

Она молчала, и Арсений молчал тоже. Наконец, поняв, что разговаривать им вроде как больше и не о чем, повернулся и поплелся в ванную приводить себя в порядок.

Отражение в зеркале выглядело гораздо более ужасающе, чем можно было себе представить. Воскресная щетина родом из утренней пятницы покрывала лицо неравномерными жалкими колючками, делая его похожим на кактус, который три года назад забыли полить.

Побриться, что ли?

Вообще-то он собирался бриться ближе к вечеру, когда придут уже в гости товарищи-первоклассники, или по крайней мере ближе к обеду, когда они с Федором пойдут в парк. Но идти в магазин с такой небритой физиономией вообще было рискованным предприятием, потому что небритого Арсения доблестная милиция почему-то хронически принимает за кавказца и начинает требовать паспорт с пропиской. Если паспорта с пропиской не окажется – могут и в отдел отвести.

Нет, ни к чему ему сегодня идти в отдел. И выплачивать оправдательную сотню рублей в качестве доказательства собственной национальной принадлежности тоже ни к чему. Сотня ему еще согдится. На сотню можно купить мороженого и лимонада Зайцу. И еще много чего можно купить, хоть и говорят, что сто рублей – не деньги...

Через полчаса он вышел из ванной, благоухая лосьоном после бриться и сверкая обновленной физиономией. Проходя мимо кухни, заметил недовольное лицо девушки-повара.

Майя же ее зовут, напомнил себе Арсений.

– Вы все еще здесь? – поинтересовалась она ледяным тоном.

– Я брился, – ответил Арсений почему-то виноватым голосом.

– Брился, – проворчала она и отвернулась, недовольно передернув плечами.

Вот ведь, подумал Арсений. Ворчит, как у себя дома. Что ж ему теперь, и побриться уже нельзя? Все они, что ли, женщины – такие? Только дай кастрюлю в руки – и все, она уже царица твоей жизни, хозяйка Медной горы? И продолжал размышлять над этим вопросом до тех пор, пока она снова не обернулась и не поинтересовалась:

– Вы что же, издеваетесь надо мной, да? Издеваетесь?

– Нет, – честно признался Арсений. – Не издеваюсь. Я просто думаю.

– О чем вы думаете?

– Я думаю... Все вы, что ли, женщины, такие?

– Такие – это какие?

– Вредные! – выпалил он и, как мальчишка, скрылся за дверным проемом. Если она и собиралась запустить в него горячей отварной картошкой, то опоздала.

Преисполненный чувством собственной гордости за эту маленькую победу, Арсений по-быстрому оделся. Уходя, крикнул с порога:

– Я быстро! – и помчался по ступенькам вниз, не рискнув на этот раз воспользоваться лифтом. Мало ли, что может случиться...

Настроение отчего-то стало замечательным.

* * *

С трудом дождавшись, пока за Арсением захлопнется дверь, Майя пулей вылетела из кухни. Распахнула наугад первую попавшуюся дверь – за ней оказалась просторная ванная – и, не успевая уже даже свет включить, согнулась пополам над сияющей, как альпийский глетчер, раковинной-тюльпаном.

Еще несколько секунд – и ее бы вывернуло наизнанку прямо на глазах у этого чокнутого лохматого мужика. Мужик, конечно, неприятный и совсем чужой, но все равно – было бы стыдно.

Думать надо было головой, когда нанималась на такую работу!

Вареная картошка и морковь – это еще пустяки. То ли еще будет, когда она начнет разделять курицу?

От одной только мысли о курице желудок снова свернулся в каменный комок. Новый приступ ничем, кроме судорожного кашля, так и не закончился. Не удивительно, если учесть, что со вчерашнего вечера во рту не было ни крошки...

Выпрямившись, она увидела в зеркале напортив свое смутное отражение. Покрасневшие и опухшие веки, лицо в багровых пятнах, слезы в глазах и свекольного цвета нос.

Красавица.

Майя смахнула слезы ладонью, открыла посильнее кран с холодной водой и умылась. Промокнула лицо полотенцем, поморщившись от пряного запаха какой-то сладковатой мужской туалетной воды, и снова ощутила позыв к рвоте.

Ох уж эти запахи!

Они преследуют ее повсюду. В транспорте, в магазинах, в подъезде и на улице. Ужасные, отвратительные запахи еды и парфюмерии. И никуда от них не денешься. Мир, словно в насмешку над ее и без того печальной судьбой, превратился в сплошные запахи еды и парфюмерии. Мир решил свести ее с ума и наказать язвой желудка за все ее земные прегрешения.

Раньше она даже и не подозревала о том многообразии запахов еды, которые витают в воздухе. Она понятия не имела, что каждое утро соседка с верхнего этажа варит на завтрак своим детям гречневую кашу. Не знала, что другая соседка, с нижнего этажа, так часто печет пирожки с ливером. С ливером, подумать только! Этот ливерный запах относился к числу тех, которыми не просто дышать, о которых даже думать было опасно!

А суп с фрикадельками, который вчера решила сварить соседка, проживающая через стенку?

А шоколадное мороженое, которое позавчера кто-то уронил в лифте?

А весенняя, проросшая уже, полусгнившая картошка, которую вот уже несколько дней продают с машины прямо у нее под окном? Словно в насмешку, как будто другого места в микрорайоне для продажи этой картошки отыскать было невозможно.

Заделаться работать приходящим поваром, когда у тебя такой токсикоз – это наивысшее проявление идиотизма.

Но деньги-то зарабатывать, с другой стороны, надо? Надо! Еще как надо! Кто же виноват в том, что в свое время она сглупила и не стала поступать в профтехучилище, где готовят маляров? Белила бы сейчас потолки да стены, и горя бы не знала, а знала бы одно только счастье! Потому что запах свежей, влажной, непросохшей еще побелки – это и есть настоящее счастье. Нужно было прожить на свете двадцать пять лет и глубоко забеременеть, чтобы понять это! Вот и приходится теперь таскаться каждый вечер в ту новостройку, что неподалеку от дома, и ходить по этажам, вынюхивая свежепобеленные потолки, и прикидываться перед малярами дурочкой... То есть, потенциальной покупательницей квартиры. Дурочкой прикидываться ни к чему, потому что она и есть – дурочка... То есть, дура. Самая настоящая, пробитая. Высшей пробы. С ребенком в животе и без копейки денег, как и полагается настоящей дуре...

Настроение было отвратительным. Состояние – того хуже. Но, как там было в русской пословице: взялся за гуж – не говори, что тебя тошнит. Придется вдыхать запах вареной картошки и консервированного горошка еще как минимум два часа, и от запаха сырого куриного мяса тоже уже никуда не деться. Попросить его, что ли, чтоб ведро побелки рядом на разделочный стол поставил?

Так ведь не поймет. И вообще, может, и нет у него никакой побелки. И даже если есть...

Невеселые размышления были прерваны самым неожиданным образом: дверь в ванную медленно открылась. От испуга сердце едва не выскочило из груди, остановило свой бешенный полет где-то в горле и застряло в нем, как кость. Сейчас придется держать ответ перед хозяином, что она делала в его ванной. И что она ему скажет?

Но за дверью никого не было. Видимо, она открылась сама, от какого-то едва уловимого сквозняка, подумала Майя. Сердце почти успокоилось и потекло по пищеводу вниз, на свое

прежнее место. Ликвидировав следы своего пребывания в ванной работодателя, Майя вышла и попыталась закрыть дверь.

Дверь странным образом не закрывалась. Как будто прилипла с той стороны к стене.

Она потянула сильнее – безрезультатно. По всей видимости, этот тип соорудил в дверной коробке какое-то хитрое устройство, которое чутко реагировало на чужих. Теперь уже не удастся скрыть факт своего пребывания в ванной...

– Черт! – разозлившись, Майя дернула за ручку с такой силой, на какую только может быть способна беременная двадцатипятилетняя дура.

И едва не отлетела к стене назад, с трудом справившись с силой инерции.

За дверью стоял ребенок.

Взлохмаченные волосы цвета воронова крыла, нежно-розовые, помятые от долгого сна щеки и большие круглые глаза, в которых застыл страх, перемешанный с любопытством.

«Заяц, – догадалась Майя. – То есть, Федор».

– Привет, – сказала она дружелюбно. – Ты меня не бойся. Я повар. Меня пригласил твой папа, чтобы я приготовила котлеты.

– Котлеты? – с сомнением в голосе переспросил все еще испуганный Федор.

– Котлеты из курицы, – уточнила Майя. – И салат «Оливье». К твоему дню рождения. У тебя же сегодня день рождения, я правильно понимаю?

Федор молча кивнул в ответ, продолжая сверлить ее недоверчивым взглядом.

– Значит, принимай поздравления! Тебе сколько лет исполнилось? Шесть?

– Семь, – слегка обиженно возразил мальчишка и почесал затылок растопыренной пятерней.

Ребенок был забавным. Разглядывая его, Майя невольно думала о том, что вот и у нее, спустя каких-нибудь недолгих семь лет, будет точно такой же, свой собственный, забавный мальчишка с взлохмаченными волосами и круглыми, как пуговицы, глазами. И он будет любить ее и называть мамой.

Счастье? Еще какое! Настоящее, всем счастьям счастье! А трудности – так они для того и придуманы, чтобы их преодолевать!

Словно услышав ее мысли, ребенок слегка шевельнулся в животе. Майя улыбнулась и довольно вздохнула. Тошнота отступила, и жизнь снова стала казаться замечательной.

– А где папа? – поинтересовался Федор, отступая на шаг от стены.

– Папа скоро придет. Он ушел в магазин за курицей для котлет.

Федор подозрительно сощурился:

– Мы вчера уже покупали курицу для котлет.

– Я знаю, – улыбнулась Майя. – Но ту курицу, к сожалению, съел ваш кот. Папа оставил ее на ночь на столе размораживаться. А кот ее украл и съел.

На лице мальчишки промелькнула робкая тень улыбки. Майя улыбнулась в ответ, чувствуя, как исчезает стена недоверия между ними.

– Папа его теперь убьет.

Майя шутливо нахмурилась:

– Твой папа сам виноват. Нужно было просто закрыть кухонную дверь на ночь, и все. А кот ни в чем не виноват. Он ведь не мог знать, что эта курица совсем не для него предназначена!

– Не мог, – подтвердил Федор, окончательно расслабившись, и сладко, во весь рот, зевнул.

– Не выспался? – посочувствовала Майя. – Иди спи дальше. Тебе как следует нужно отдохнуть. Сегодня у тебя важный и ответственный день. Прием гостей... и все такое.

– Не-а, – возразил Федор. – Я больше спать не хочу. Я сейчас буду желания загадывать.

– Здорово, – одобрила Майя. – Желания, которые загадываешь в день рождения, обязательно сбываются. Только для этого нужно непременно задуть все свечи на праздничном торте.

– Тогда точно сбудутся? – сощурившись, очень серьезно поинтересовался Федор.

– Точно, – так же серьезно подтвердила Майя. – Я проверяла.

– Вообще-то, у меня всего одно желание. А если я не все свечи смогу сразу задуть? Если какая-нибудь одна останется? Тогда оно не сбудется, да?

– Все равно сбудется. Если очень-очень захотеть – сбудется обязательно.

– Я очень сильно хочу. Ужасно сильно.

– А какое у тебя желание? – поинтересовалась Майя, заметив, каким серьезным и озабоченным стало лицо мальчишки. Наверняка, мечтает о велосипеде. Или о компьютере, если компьютера у него нет. А может быть, успел уже влюбиться в какую-нибудь девчонку и хочет, чтобы она обратила на него внимание... В семь лет человек уже вполне способен влюбиться. Сама она впервые влюбилась, например, когда ей было пять.

– Я хочу, чтобы мама вернулась, – тихо проговорил мальчишка, отводя взгляд.

Воцарившееся молчание казалось неловким.

Майя даже отругала себя мысленно за то, что спросила про желание. Ну кто же знал, что предел мечтаний этого ребенка – совсем не компьютер и велосипед?

– А где твоя мама? – робко поинтересовалась Майя, заранее зная, что Федор на ее вопросы отвечать не станет. – В командировке?

Так и оказалось – он окинул ее взрослым взглядом из-под нахмуренных бровей и не сказал в ответ ни слова. Только помотал головой в ответ, и сразу стало понятно, что все гораздо серьезнее и намного печальнее, чем простая командировка.

Они помолчали еще несколько секунд, глядя друг на друга.

– Ну ладно. Если ты спать не хочешь – давай, иди умывайся, чисть зубы. А я пойду резать овощи для салата.

– А хотите посмотреть, как папа мою комнату украсил? – с деланным равнодушием поинтересовался Федор. Было совершенно очевидно: мальчишке ужасно хочется похвастаться.

Майя вздохнула. Вообще-то, она сюда пришла не за тем, чтобы развлекать ребенка работодателя. Ее дело – салат да котлеты, а для присмотра за ребенком гувернанток обычно нанимают. Поморщилась от собственных мыслей, поругав себя за излишний практицизм. Федор стоял напротив и смотрел на нее, хлопая темными, ужасно пушистыми ресницами. Ну разве можно такому чуду отказать?

– Очень хочу, – ответила она и поплелась вслед за радостно подпрыгивающим Федором, который вскоре распахнул дверь детской комнаты и застыл на пороге, пропуская ее вперед.

– Ух ты! – присвистнула Майя, разглядывая невероятное количество разноцветных шаров, которые гирляндами покрывали всю стену напротив кровати. Другая стена была сплошь усыпана какими-то цветными блестками и новогодней мишурой, и во всю ее длину красовалась надпись: «С днем рождения, Федор!» Даже на тюлевых занавесках висели, приколотые швейными иголками, яркие и разноцветные фигурки сказочных персонажей, из которых самым колоритным был старина Карлсон, пожирающий варенье прямо из банки.

– Здорово? – с затаенным восторгом спросил Федор.

– Твой папа, наверное, очень сильно тебя любит? – вместо ответа поинтересовалась Майя.

Хотя на вопрос, в принципе, можно было и не отвечать. И так понятно, что папа, тот самый лохматый и дерзкий мужик, которого Майя за короткий период знакомства уже успела почти возненавидеть, очень любит своего сына.

И это, кстати, нормально. В этом нет ничего сверхъестественного. Отцы обычно любят своих сыновей. И далеко не в каждом случае отказываются от них еще до рождения, предпочитая абсолютную свободу тяготам брака и отцовства. Кто же виноват в том, что в ее жизни все сложилось по-другому?

«Не вешать нос, – приказала себе Майя, чувствуя, как в горле разрастается огромный комок. – Не хватало еще расплакаться сейчас, прямо перед этим мальчишкой... Да и вообще,

еще не все потеряно. Еще есть шанс... Один, самый последний, призрачный... Но все-таки он есть...»

– Любит, конечно. Он же мой папа, – немного удивленно согласился Федор.

Майя молча кивнула в ответ. Когда-нибудь и у ее сына будет точно такая же комната. Большая и просторная, собственная детская комната. И она непременно на каждый день рождения будет украшать ее воздушными шарами, и лепить на стены сверкающую, неуместную в середине весны новогоднюю мишуру, и на тюлевые занавески обязательно приколет швейными иголками вырезанные из детских журналов фигурки сказочных персонажей.

Ее ребенок будет расти счастливым.

– Ладно, я пойду на кухню. У меня там, правда, много дел. Ты не обижайся.

– Я не обижаюсь. Вас, кстати, как зовут? – деловито осведомился Федор.

– Меня зовут Майя.

– Майя? Это потому, что вы в мае родились, да?

Майя устало вздохнула и рассмеялась.

– Нет, не поэтому. Меня назвали в честь балерины. Есть такая знаменитая русская балерина – Майя Плисецкая. Моя мама обожала ее и хотела, чтобы я тоже стала балериной, когда вырасту.

– А вы стали балериной, когда выросли?

– Нет, не стала, как видишь.

– А кем стали? Поваром?

«Вообще никем не стала», – мысленно усмехнулась она, а вслух ответила:

– Я стала врачом. Детским врачом. Вернее, еще не стала... Я училась в медицинском институте, но пока его не закончила. Вот закончу, тогда и буду детским врачом...

– А я, когда вырасту, стану гонщиком.

– Гонщик – замечательная профессия, – похвалила Майя, выходя из комнаты. Федор поплелся следом.

По дороге под ногу Майе попался пластмассовый солдатик, и она чуть не упала. Федор, выявивший на полу причину едва не случившейся катастрофы, издал удивленно-радостный возглас и заспешил в зал, где на полу обнаружился замок Белоснежки.

Минут пятнадцать ушло на то, чтобы расставить по местам всех рассыпавшихся солдатиков-охранников. Помогая Федору, Майя исподтишка разглядывала его. Мальчишка оказался точной копией своего отца, только волосы были чуть светлее, а голубые глаза – ярче, и разрез имел более округлую форму. Взгляд – всегда серьезный, сосредоточенный, движения – деловитые и без суеты. Заметив небольшую стайку веснушек на носу у Федора, Майя попыталась вспомнить, имелись ли такие же веснушки на носу ее временного «босса».

Это слово ее рассмешило. Улыбку она сдержать не смогла, даже прыснула в кулак, но Федор, полностью поглощенный реконструкцией замка, этого не заметил, и объяснять ничего не пришлось.

Вернувшийся из магазина Арсений застал их вдвоем, сидящих на полу в зале и сосредоточенно расставляющих по местам многочисленных обитателей нешутливой пластиковой конструкции. Федор, заметив отца, застывшего в дверном проеме и с какой-то блаженной детской улыбкой на лице наблюдающего за ходом восстановительных работ, тут же вскочил и сиганул на шею Арсению.

Майя поднялась, одернув юбку. Успела заметить взгляд Арсения, скользнувший по ее коленкам, и подумала с неприязнью:

«Вот ведь, сына обнимает, а сам на мои ноги пялится, козел!»

Молча протиснувшись мимо обнимающихся, она прошествовала на кухню, прихватив по дороге пакет с купленным куриным мясом. Настроение отчего-то испортилось, и тут же снова

нагрянула тошнота. По всей видимости, и настроение, и наличие тошноты в это утро напрямую зависели от степени удаленности «босса».

Чем он дальше – тем лучше, и тем меньше проявляется токсикоз. Чем ближе – тем ужаснее она себя чувствует.

Может, попросить его, чтобы он снова ушел? Странно, и отчего это она его так невзлюбила? Ведь, по большому счету, он ей ничего плохого не сделал. А то, что слишком уж долго собирался в магазин – так ведь он и понятия не имел, как сильно у нее желудок скрутило! Если б знал – освободил бы, наверное, побыстрее квартиру от своего присутствия, чтобы дама могла остаться наедине с унитазом, в полной тишине и покое...

Достав из кармана мятную жевательную резинку, Майя сунула в рот сразу три пластинки и принялась усиленно двигать челюстями. Тошнота слегка отпустила, и она героически принялась за разделку куриного мяса.

Работодатель, определенно умеющий читать мысли на расстоянии, в кухне больше не появлялся. Лишь изредка доносились из комнаты голоса отца и сына, с восторгом обсуждающих планы на сегодняшний день. Потом заработал телевизор, зазвучала музыка из какой-то детской передачи. Пока жарились котлеты, Майя успела замесить песочное тесто для торта и даже раскатать его на коржи. Заглянувший в кухню Арсений улыбнулся довольной улыбкой, похвалил ее за оперативность и снова исчез из поля зрения.

Майя была благодарная ему за невмешательство. На самом деле, в ее состоянии варить на плите основу для заварного крема и при этом поддерживать светскую беседу было просто невозможно. Или одно – или другое, а еще лучше – ни то и ни другое, а третье.

Третье – бродить по квартирам в новостройке неподалеку от дома и вдыхать вожделенный запах свежей побелки...

В душе отчего-то нарастало чувство обиды. И, как ни старалась, заглушить его она так и не сумела. Покончив наконец с котлетами и установив в холодильнике огромное блюдо с тортом, покрытым шоколадной глазурью, она вышла из кухни, сухо отчиталась о проделанной работе, напомнила, что торт можно есть не раньше, чем через пять – шесть часов, потому что он должен пропитаться кремом, забрала заработанные деньги, педантично отсчитала сдачу и вручила ее Арсению, несмотря на активные протесты с его стороны и уговоры «оставить на мороженое».

– Я не ем мороженое. Меня от него тошнит, – честно сказала Майя.

Прозвучало грубовато.

Арсений уставился на нее с удивлением, но ничего не сказал. Молча засунул сотню обратно в портмоне и сказал «спасибо».

– Не за что. До свидания, – ответила Майя и вышла из комнаты.

Уже на пороге, обуваясь, она вдруг поняла, откуда взялось это чувство обиды.

Она обижалась на Федора! Более того, ревновала его к отцу! Вот ведь, так замечательно они общались целых полчаса, успели почти подружиться, а тут появился этот... этот отец. И все – как отрезало.

– До свидания, тетя Майя! – послышался громкий крик в тот момент, когда Майя уже почти закрыла за собой дверь. – До свидания! Спасибо!

– Не за что, – пробурчала она себе под нос, а вслух сказала: – С днем рождения!

Не став дожидаться лифта, быстро сбежала вниз по ступенькам. Вышла из подъезда, зажмурилась от яркого солнца – и вдруг рассмеялась. Над собой и над своими странными обидами.

Проходящий мимо пожилой мужчина подозрительно на нее покосился. Наверное, решил, что она сумасшедшая.

«И правильно решил!» – усмехнулась она мысленно и бодро зашагала к остановке.

* * *

До чего же странно складывается иногда жизнь!

Странно и неправильно.

Интересно, это только у нее, Майи Аксеновой, жизнь сложилась неправильно и странно, или это у всех так? Вот, например, сидит сейчас напротив нее в автобусе женщина средних лет. Женщиной ее можно назвать с большой натяжкой, потому что признаков женственности за давностью лет практически не осталось. Скорее, существо женского пола в возрасте от сорока и до шестидесяти. Тетка. С огромным желтым пакетом на коленях, сквозь который просвечивают силуэты сдавленных со всех сторон картошкой и луком сосисок, сверху торчат сочные оранжевые верхушки первых весенних морковок. А пахнет от пакета почему-то сырой печенкой, и к этому запаху примешиваются еще десятки других. Тетка держит пакет крепко, двумя руками, прижимает к груди, всем своим видом давая понять: вот пусть только попробует кто-нибудь покуситься на эту ее драгоценную собственность. Уж она за эту собственность постоит – так, что мало не покажется. И, кажется, что весь смысл жизни этой женщины без возраста и признаков пола только и состоит в том, чтобы охранять пакет с продуктами. А глаза – тусклые, равнодушные, и мысли все на лице написаны. Мысли простые, нехитрые: как бы успеть за выходные все дела домашние переделать, щей наварить, белье перестирать, перегладить, а неплохо бы еще и накрахмалить, квартиру убрать, полы перемыть. А в понедельник – на работу. Нелюбимую, надоевшую за долгие годы. Вахтершей на проходной, санитаркой в больнице, в лучшем случае – инспектором отдела кадров или фасовщицей в магазине.

А ведь было когда-то этой тетке двадцать пять лет, продолжала свои размышления Майя. И не думала она, не гадала, что жизнь ее вот так безрадостно сложится. Мечтала, наверняка, стать телеведущей, или стюардессой... Или, например, балериной, как мечтала Майя в детстве. А жизнь показала большой кукиш и превратила двадцатипятилетнюю девушку в тетку без возраста, которая теперь уже ни о чем не мечтает и от жизни никаких радостей не испытывает – одну только беспросветную, нескончаемую усталость... И ждет, наверное, когда уж она кончится, эта жизнь нескончаемая...

Несостоявшаяся стюардесса-телеведущая неодобрительно покосилась на Майю и многозначительно кашлянула. Майя отвела глаза, почувствовав легкий укор совести: в самом деле, ни к чему было пялиться на тетку так, будто она музейный экспонат, живая иллюстрация неправильно сложившейся жизни. Таких вот неправильно сложившихся жизней кругом – полно, хоть в банки укладывай и консервируй, как огурцы с грядки в урожайный год. Автобус ими битком набит. И даже симпатичная, не в пример тетке с пакетом ухоженная женщина с длинными, красиво уложенными волосами – и она тоже смотрит в окно с такой тоской, что вся ее ухоженность кажется лишь маскарадом. Защитным панцирем, чтоб никто не догадался, что внутри – все та же пустота несостоявшейся жизни.

Майя вздохнула. И угораздило же ее родиться на свет такой пессимисткой? Другая на ее месте в тетке с большим пакетом моментально разглядела бы счастливую и довольную мать семейства, только и мечтающую о том, как бы поскорее воссоединиться со своими домочадцами и накормить их вкусным обедом. А в женщине с красиво уложенными волосами – романтическую особу, пребывающую в состоянии легкой грусти от предстоящей недолгой разлуки с возлюбленным.

А Майя все видит в черном свете.

Нет, не всегда, конечно. Бывает, и очень даже часто, что в розовом.

Зато потом, по контрасту с розовым, черный цвет мира становится еще чернее.

И так – всегда. А сегодня – особенно. Почему именно сегодня – непонятно.

Хотя, если быть объективной, не так уж и ужасно складывается ее жизнь.

Да, мечтала стать в детстве балериной. Да, не получилось. Не взяли в балет из-за лишнего веса. И сбросить его Майя не могла, как и старалась. Зато потом, в подростковом возрасте, когда началась гормональная перестройка организма, лишние килограммы исчезли сами, прихватив с собой еще несколько совсем не лишних. Но начинать заниматься балетом было уже поздно.

Да, хотела стать врачом. Хотела так сильно, что целый год просидела над учебниками, половину лета готовилась к экзаменам, даже на пляж ни разу в жару не вылезла. Мечтала поступить в медицинский – и поступила. И проучилась почти три года. И доучилась бы до конца, если бы...

Если бы не любовь эта дурацкая. Если бы не Гоша.

Вот ведь, до сих пор: стоит даже мысленно произнести его имя, и сразу дрожь в коленках, и сердце замирает, а на глаза слезы наворачиваются. Дура? Дура, давно доказано. Но от этого не легче.

Гошу она встретила три года назад, будучи студенткой третьего курса мединститута. Круглой отличницей, между прочим, несмотря на доказанное впоследствии полное отсутствие мозгов. Наверное, в то время они у нее все-таки были, а потом просто расплавились от испепеляющей страсти. Теперь ни мозгов, ни Гоши, ни института. Зато – ребенок в животе и полная растерянность перед жизнью.

Игорь Отставнов был, ни много ни мало, сыном главы администрации Заводского района, в котором Майя проживала с детства. Единственным и горячо любимым сыном, которому было позволено абсолютно все. Они познакомились на концерте какой-то попсовой группы, куда Майя попала не по доброй воле, а из жалости к однокурснице, которая купила билет на этот концерт за сумасшедшие деньги, а сама накануне заболела тяжелой формой гриппа и пойти на концерт не смогла. Однокурсницу звали Аллочка Сазонова, за нее-то Майя и пострадала... Хотя тогда ей казалось, что это сама судьба заставила Аллочку купить билет на концерт, а потом наслала на нее тяжелую форму гриппа. Потому что если бы не купила Аллочка билет или не заболела, то Майя никогда бы с Гошей не встретилась. И это была бы катастрофа.

Они сидели на концерте рядом, и как-то неожиданно завязалась между ними беседа, а под конец они уже вместе прихлопывали и приплясывали, подпевали наугад, почти не зная слов и не разбирая их из-за жуткого качества фонограммы.

Но все равно было весело.

Игорь Отставнов принадлежал к тому типу мужчин, который Майя тихо презирала. Насквозь brutальный, с внешностью кинозвезды и замашками владельца нефтяной компании размером с небольшое европейское государство. Без внешних признаков интеллекта, зато с развитой мускулатурой, с ног до головы упакованный в фирменные тряпки, стоимость каждой из которых сопоставима с ее стипендией за три года.

А с ним оказалось весело. Не нужно было рассуждать о высоких материях, зато можно было смеяться до слез. Хотя, как выяснилось впоследствии, о высоких материях с Гошей очень даже можно было поговорить. Несмотря на внешнюю brutальность, он оказался вполне начитанным товарищем и обладал недюжинными познаниями едва ли не во всех областях науки и искусства.

Все это выяснилось в первый же вечер, когда Гоша провожал Майю после концерта домой. Она уже тогда влюбилась в него без оглядки. Оставила номер своего телефона и, как героиня классического любовного романа, принялась мучиться от любовной истомы, ожидая звонка.

За те две недели она успела возненавидеть телефонный аппарат и саму себя. Практически забросила учебу и съела три упаковки валерьянки. Поставила на своей жизни крест. Собралась уходить в монастырь.

А потом он позвонил, как ни в чем не бывало, и предложил вместе уехать на море.

Причем – на Красное. И не на неделю, и даже не на две, а – на целый месяц.

Она согласилась, не раздумывая. За несколько дней оформила заграничный паспорт и уехала в твердой уверенности: впереди ее ждет только счастье.

Так и оказалось. Ультрамаринового цвета море, прозрачное даже на самой большой глубине, стаи разноцветных рыб вокруг и нежное солнце – все это было лишь красивым фоном для их любви. Сумасшедшей и дикой – такой любви, которой ни в одном фильме Майя не видела, о которой ни в одной книге не читала.

Когда срок пребывания в стране закончился, Гоша продлил визу, и они остались еще на две недели.

Вернувшись из Египта – загоровшая до черноты и сильно похудевшая от бессонных ночей, Майя узнала о том, что из института ее отчислили.

По этому поводу она переживала ровно полчаса, а потом позвонил Гоша, и она снова стала счастливой.

«Ерунда, – весело сказал он. – Если хочешь, в институте тебя завтра же восстановят. Один только звонок от моего папашки... Ты же понимаешь... Только – оно тебе надо?»

«Не знаю», – неуверенно ответила Майя. Кажется, кроме Гоши в тот момент жизни ей, и правда, было ничего не надо. Только одного ужасно хотелось – снова вернуться в Египет, снова оказаться вдвоем в целом мире...

«Значит, не надо, – все так же авторитетно заявил Гоша. – И правильно. Успеешь еще в институтах поучиться. Пока молодая – надо жить. Так что через полчаса я за тобой заеду – отправимся в ресторан отмечать твою свободу...»

Ее жизнь в последующие два года была похожа на один сплошной, неразрывный праздник. За это время они успели еще два раза побывать в Египте, один раз – в Греции и один раз – в Испании. А потом Гоша заскучал.

Вернее, это случилось не сразу.

Майя, доставшаяся ему двадцатитрехлетней девственницей, воспринималась на первых порах сверх всякой меры искусственным в этих делах Гошей как подарок судьбы. Ему безумно нравилось наблюдать за тем, как из робкой и стыдливой старой девы она постепенно превращается в женщину, как она раскрепощается, становится требовательной и даже жадной. Он ощущал себя Великим Учителем, едва ли не Богом плотской любви, нашептывая ей на ухо свои желания, замечая, как розовеет от стыда ее теплая щека, и наслаждаясь, когда она, превозмогая стыдливость, робко включалась в любовную игру, сценарий которой он создавал каждый раз заново и каждый раз – исключительно для них двоих.

Но рано или поздно все заканчивается. Однажды поняв, что ему больше уже нечему учить свою пылкую любовницу, Гоша начал стремительно терять к ней интерес.

Он всегда шел по жизни легко, не останавливаясь и не растрачивая эмоции по пустякам.

Майя это знала. Только не могла предположить, что в категорию «пустяков» однажды попадет и она сама. И не верила, просто не хотела верить в то, что стала ему неинтересна. Разрыв был неминуем, а Майя все утешала себя мыслями о том, что Гоша просто устает на работе, что хандрит из-за разладившихся отношений с отцом, что на телефонные звонки не отвечает, потому что не слышит, ведь мобильник у него вечно работает в режиме вибровызова.

И еще множество оправданий она сумела придумать для Гоши. И, наверное, придумывала бы их и дальше, если бы в один прекрасный день, как водится, ее не поставили перед фактом.

Факт имел место в Гошиной квартире, которую они снимал в центре города. Квартира считалась их «гнездышком». Естественно, от «гнездышка» у Майи имелся собственный ключ. События развивались, как в банальнейшем анекдоте, с той лишь разницей, что в отведенной незадачливому мужу роли рогоносца пришлось выступить ей самой. Она уезжала к матери – Анна Андреевна вот уже несколько лет жила на берегу Черного моря, в Ялте, куда настоя-

тельно порекомендовали ей переехать врачи из-за состояния здоровья. Майя уехала на в Ялту на неделю, но не выдержала и вернулась раньше. Причем – сюрпризом.

Как оказалось, сюрприз ждал ее. Да еще какой, всем сюрпризам сюрприз! Двойной, если учитывать количество особ женского пола, извивающихся на широкой двуспальной кровати их уютного «гнездышка» в компании любвеобильного Гоши.

Даже теперь, вспоминая об этом, Майя иногда вздрагивала.

Тогда она бежала по улице, не помня себя, с одной только мыслью – умереть побыстрее. Какая-то женщина обнаружила ее на скамейке в парке и отвела домой. Напоила чаем, запихала в рот две таблетки снотворного и ушла, оставив номер своего телефона.

Майя ей так и не позвонила. Зато, проснувшись на следующий день, позвонила Гоше. И услышала в ответ на свой вопрос о вчерашнем:

«Милая, между нами все кончено. Разве ты этого еще не поняла?»

А она-то ждала объяснений! Оправданий! Извинений! Она еще раздумывала, простить или не простить Гошу, и почти пришла к выводу, что простить придется, потому что жить без него она не сможет... Никак не сможет.

Оказалось, что выбора у нее нет. Придется жить без него, и никто у тебя не спрашивает, сможешь ты или не сможешь...

Неделю она провела одна взаперти в своей квартире. Отключила все телефоны и целыми днями лежала плашмя на диване, уставившись в потолок. Почти не вставала, а к концу недели поняла, что вставать уже практически не может – нет сил. Да и откуда им было взяться, если за семь дней кроме литра апельсинового сока, найденного в холодильнике, во рту не было ни крошки?

«Вот и хорошо, – подумала тогда Майя. – Значит, еще несколько дней поживу – а потом умру». От этой мысли впервые за прошедшую неделю она почувствовала облегчение...

Но умереть ей не дали. В воскресенье появились две подружки-однокурсницы, встревоженные долгим ее отсутствием и недоступностью телефона. Долго и настойчиво звонили в дверь. Майя не открыла бы, ни за что в жизни бы не открыла, если бы знала, что там, за дверью всего лишь подружки-однокурсницы...

Но подумала: а вдруг это – он?

И поплелась к двери из последних сил. Открыла – и упала, потеряв сознание.

А очнулась уже в больнице, под присмотром врачей и все тех же подружек-спасительниц.

Очнулась живая. Да к тому же еще и – беременная...

Новость сразила ее наповал. Она даже ощутила некоторую благодарность к спасительницам, которые не дали ей умереть. Нет, конечно же, не извистие о том, что она скоро станет матерью, вдохнуло в нее жизнь. Ребенок сам по себе тогда не представлял для нее ценности. Ребенок как средство вернуть Гошу – вот что заставило ее снова ощутить вкус к жизни.

С надеждой она прожила еще три дня. Выписавшись из больницы, заскочила домой, привела себя в порядок и без предупреждения отправилась к Гоше.

Уж лучше бы, наверное, предупредила...

Новоявленный отец, ничуть не смущаясь присутствием при разговоре очередной своей полуобнаженной подружки, заявил, что отцом признавать себя не желает. Потому что он понятия не имеет, с кем она там, в Сочи, успела «перепихнуться».

Он закрыл дверь у нее перед носом, на прощание сухо бросив, чтобы не надоедала ему больше, не маялась дурью и сделала по-быстрому аборт.

Даже денег предложил – следует отдать должное его благородству.

Майя от денег отказалась. У нее оставались еще свои кое-какие сбережения, которые и решено было потратить на аборт.

И она бы его сделала. Непременно сделала бы. Если бы во время осмотра врач не сказал: особенности ее анатомического строения таковы, что при любом раскладе факт зачатия следует рассматривать не иначе, как чудо.

Он так и сказал: чудо.

И не стал уговаривать Майю, чтобы она оставила ребенка. Решение пришло в самый последний момент, когда медсестра в строгом темно-зеленом хирургическом костюме и с маской на лице уже набирала в шприц раствор для наркоза.

В тот момент Майе вдруг показалось, что ребенок шевельнулся у нее в животе. Хотя, конечно же, на таком раннем сроке это было невозможно. Она знала, что невозможно, но слово «чудо» настойчиво звучало в сознании, не утихало, и она вдруг поняла, что не может, не имеет право уничтожить его, это чудо. Поднялась с операционного стола и сказала:

«Извините, я передумала».

Медсестра что-то недовольно проворчала себе под нос, а анестезиолог, хмурый пожилой дядька, у которого тоже за маской были видны одни только глаза, улыбнулся.

Теперь нужно было привыкнуть к мысли о том, что в ближайшем будущем ей предстоит стать матерью-одиночкой. Перспектива не из приятных, если учесть отсутствие образования, работы и не слишком высокие шансы трудоустройства в виду отсутствия опыта и наличия беременности.

Почти два месяца она потратила на безрезультатные поиски. Но время даром не теряла. Делала уколы и перевязки соседке по лестничной клетке, мыла по вечерам полы в детском садике, связала на заказ несколько джемперов и сэкономила на всем, на чем только можно было экономить.

На четвертом месяце малыш зашевелился по-настоящему. К этому времени она уже любила его, разговаривала с ним, называла его «чудом», на ночь сказки рассказывала, и понять не могла – как это ей в голову тогда пришло убить своего ребенка? Теперь при одной только мысли об этом она испытывала панический ужас.

Хотя при мыслях о будущем иногда приходилось испытывать похожее состояние.

Как она сможет вырастить ребенка – одна? О том, чтобы рассчитывать на помощь матери, и думать не приходилось. Анна Андреевна, работающая в Ялтинском краеведческом музее экскурсоводом, за свою работу получала не такие большие деньги, которых могло бы хватить на семью из трех человек. По-хорошему, это Майя должна бы помогать уже матери, а не на помощь с ее стороны рассчитывать.

Рассчитывать приходилось только на себя.

И еще – чуточку, самую малость, в глубине души первое время она все-таки рассчитывала на Гошу. Понимала, что это глупо и даже мерзко, ругала себя за эти мысли, но все равно ничего не могла поделать. Думала – а вдруг он исправится? Поймет? Оценит?

«Оценит, как же», – тут же возражала сама себе, нахмурившись, и запрещала себе думать о нем. Ведь, если разобраться, никакой любви уже не осталось. А то, что было – может, и не любовь вовсе, а просто страсть, зов плоти, извечные хитрости маскирующегося либидо?

Да и какая теперь разница! Надо думать о себе. О себе и о ребенке. И кто сказал, что жизнь не сложилась? Разве ребенок – это не счастье? И с чего она вообще взяла, что с годами ей суждено превратиться в тетку с желтым пакетом, набитым овощами и сосисками? Не захочет – не превратится! Будет цветущей молодой женщиной. А окружающие будут смотреть на нее и на ее сына, и думать, что Майя – его старшая сестра...

Майя спорхнула с подножки троллейбуса, едва не проспав свою остановку. Не зря говорила мама в детстве – эта ее вечная задумчивость до добра не доведет. Теплое майское солнце пряталось в молодой листве, заливая золотыми бликами чистый сухой асфальт и едва пробивающую сочную зелень на газонах.

От остановки до дома было всего лишь несколько шагов.

Майя прошла их едва не вприпрыжку, рассуждая о том, всем ли беременным женщинам свойственны столь резкие перепады настроения, или это все же свойство ее натуры? Кажется, до беременности она не была такой переменчивой. Или была? Она уже не помнила. И хотя всего-то четыре с небольшим месяца от роду было ее беременности, иногда казалось, что она была беременной всегда. Или, по крайней мере, очень-очень давно. С детства.

А иногда казалось, что та, другая, спокойная, рассудительная и ни капельки не беременная Майя – вообще какой-то другой человек. Куколка, из которой появилась гусеница, недвусмысленно намеривающаяся в ближайшем будущем стать бабочкой и воспарить к небесам не хуже быстрокрылой птицы... И эту куколку она уже не помнит. Или просто делает вид, что не помнит, потому что ничего хорошего, по большому счету, вспомнить не может...

Куколки, гусеницы, бабочки, птички... Майя усмехнулась. Привычно скрипнул в замке ключ.

– Вот мы и дома, – сказала она, обращаясь к ребенку, который тут же отозвался, скользнув ножкой по животу. Или ручкой? Поди, разберись, где у него там ручки, где ножки. Да это и не главное. Главное – он ее слышит и понимает. – Сейчас обедать будем. Или завтракать? Кажется, мы с тобой сегодня не завтракали... Ну ничего, сейчас быстренько наверстаем упущенное.

На кухне, в полупустом холодильнике, оставались еще помидоры, огурцы и огромный пучок зелени, завернутый в мокрый полиэтиленовый пакет и наверняка прекрасно сохранившийся. Помидоры – тепличные, непонятного цвета, полупрозрачные, совсем не пахнущие помидорами – в последнее время были практически единственной пищей, которую Майя принимала с удовольствием. Зелень и огурцы щедро добавлялась в салат из благородных, но никак не вкусовых, побуждений, а из-за большого количества содержащейся в них фолиевой кислоты, которая была в ее состоянии жутко полезной. Майонез в холодильнике в принципе отсутствовал как продукт вредный и вызывающий жуткие приступы тошноты, салат заправлялся исключительно растительным маслом, рафинированным до последней степени отсутствия вкуса и запаха.

Кроме пресловутой фолиевой кислоты, в такой еде особого проку, естественно, не было. Но по окончании трапезы вдогонку салату проглатывалась волшебная таблетка – 12 витаминов и 17 минералов, и Майя заканчивала трапезу с приятным чувством исполненного долга.

До каких пор это будет продолжаться – непонятно. Врач, Ираида Степановна Галибина, старой закалки генекологиня из консультации по месту прописки, сказала, что затянувшийся токсикоз – явление редко встречающееся и не слишком предсказуемое. Может закончиться совершенно внезапно, без видимых причин, а может не отпустить еще долго, поэтому на всякий случай посоветовала Майе набраться терпения и побольше бывать на свежем воздухе. Правда, не объяснила, где отыскать свежий воздух в промышленном районе загазованного города. Разве что в кислородном баллоне?

– Ничего, – продолжила Майя беседу, проглотив таблетку и запив ее огромной кружкой крепко заваренного и почти не сладкого чая. – В эти выходные не получилось, работа подвернулась. Зато в следующие – непременно на дачу к Масловым поедem. На целую субботу и воскресенье. А еще лучше – вообще в пятницу вечером уедем, и будем целую ночь спать на веранде, на свежем воздухе под теплым одеялом. Эх, надишимся! На неделю уж точно хватит, а там – посмотрим. Договорились?

Масловы были соседями сверху, которых Майя знала и любила с самого детства. Александра, или попросту Шурка, дочка тети Вали и дяди Жени Масловых, была Майиной ровесницей, самой давней и самой близкой на свете подругой, а Масловская дача – местом самых ярких детских воспоминаний. Росли они, как сестры, и родители были почти общие, только папа один на двоих, потому что у Майи своего отца никогда не было. Но на даче у Масловых была своя собственная, крошечная, комнатка, своя собственная полка с книгами и даже лич-

ный туалетный столик. Масловы уехали на все лето на дачу еще в начале месяца, регулярно звонили и звали Майю, а она все обещала, но никак не могла выкроить время из-за работы.

– Ну ничего, теперь-то уж точно поедем, – пообещала она. – Жаль только, Шурки не будет.

Шурка, в отличие от Майи, была не душой, поэтому после окончания школы уехала в Москву, поступила там в институт, получила уже профессию, а полгода назад вышла замуж за преуспевающего московского бизнесмена. К тому же, еще и по любви. И тоже уже ждет ребенка. При этом ей не нужно беспокоиться о том, чем она этого ребенка будет кормить...

– Кстати, о птичках! – сложив в раковину посуду, Майя вспомнила, что забыла самое главное.

А самым главным ее жизни было сейчас – заработать побольше денег.

Как можно больше денег. Чтобы хватило потом, когда она уже не сможет временно их зарабатывать, на жизнь. На пеленки, памперсы, соски, бутылочки, игрушки, визиты к врачу, на фрукты и всякие непредвиденные обстоятельства... Мало ли, что может случиться в жизни? Нужно быть готовой ко всему.

Зарабатывать деньги, неистово и одержимо, она начала сразу же после того, как сбежала из операционной, приняв решение оставить ребенка. Достала из верхнего ящика забытый крючок и несколько клубков симпатичной меланжевой пряжи, из которой больше года назад собиралась связать для себя кофточку. За два вечера связала джемпер, позвонила старой маминной подруге, которая имела свой собственный магазинчик готовой одежды, и попросила помочь «с реализацией».

Джемпер купили на следующий же день.

Получив расчет, Майя завела себе коробочку для денег, которая раньше была коробочкой из-под зефира.

Теперь коробочка жила у Майи в морозильной камере под кодовым названием «первая коробка». В этой первой коробке у Майи лежала валюта. Раз в месяц она регулярно обменивала заработанные рубли на евро, в нерушимость которого искренне верила, и перекладывала в первую коробочку из коробочки «номер два», с рублями.

Морозильная камера в качестве места хранения самой ценной коробочки была выбрана путем долгих и мучительных раздумий. Можно было, конечно, хранить деньги в банке, как делают все нормальные люди, живущие в цивилизованном мире. Но хранить по-старинке, в «чулке», почему-то казалось надежнее. Во-первых, деньги всегда под рукой – это на случай непредвиденных обстоятельств. Достал из морозилки зефирную коробочку – и вот они, не нужно никуда за ними ехать и еще, не дай бог, стоять в очереди. Во-вторых, не придется платить проценты за обналичку. А в-третьих, что тоже оказалось немаловажно, можно хоть каждый вечер доставать коробочку из морозильной камеры и пересчитывать холодные купюры... Ну и пусть со стороны это выглядит смешно. Никто же не видит! А ей процесс пересчитывания денег, может быть, греет душу...

В морозильной камере у Майи ничего, кроме зефирной коробки, не было. И даже если в дом проникнут грабители, рассуждала она, ведь не станут же забирать у девушки последнюю коробку зефира? Или все-таки станут? Это, наверное, смотря какие грабители ей достанутся... Не всем же грабителям, наверное, свойственна необходимая в данной ситуации степень галантности... На всякий случай она всегда клала коробку так, чтобы сразу было видно дату изготовления. Дураку понятно – зефир давно просроченный. Кому нужен просроченный замороженный зефир?

Вторая коробка, с рублями, хранилась в шкафу с постельным бельем, на самой верхней полке. В этой коробке было гораздо меньше денег, но за них она постоянно тревожилась. Что и говорить, место для хранения было банальным. Отыскать деньги – раз плюнуть, только сбрось вниз с полки стопку простыней и наволочек, вот и вся недолга...

Пожалуй, все-таки следовало перепрятать эту коробку.

Вот только – куда?

Вопрос был из категории высшей сложности.

Достав из кошелька заработанные тяжким кулинарным трудом четыреста рублей, Майя бережно сложила их в стопочку, рядышком с другими сотенными купюрами. Да, в этом месяце ей удалось заработать не так уж много. Хотя от месяца прошла пока еще только половинка. И унывать не стоит, потому что две новых кофточка почти довязанные, три других уже успешно продались и превратились в желанные купюры, которые нужно только пойти забрать... И станет майская стопочка денег уже не такой тоненькой, а впереди еще целых две недели, можно еще кучу кофточек навязать, и три заказа на праздничные торты у нее уже есть, и еще заказы будут непременно, и курс пенициллина у старушки-соседки еще не закончился, хотя это уж совсем маленькие деньги, которые и в коробочку не положишь... Так, на мелкие текущие расходы...

В общем, все не так уж и плохо, утешила себя Майя, закрывая коробочку номер два и тщательно перевязывая ее капроновым шнуром. Но мысль о том, что деньги спрятаны не очень надежно, по-прежнему ее тревожила. В поисках нового тайного места для хранения нажитых тяжким трудом сбережений она задумчиво бродила по квартире, переходила из комнаты в комнату, некоторое время потопталась в ванной, но потом снова начала колесить прежним маршрутом.

И вдруг остановилась, как вкопанная, перед дверью на лоджию.

Старый бабушкин шкаф! Ну конечно же, и как она сразу не догадалась!

Шкаф стоял на лоджии уже много лет и был завален разнообразным хламом. Целая куча «раритетов», припахивающих нафталином, которые давно уже не нужны, но выбросить жалко, а отдать некому. Школьные тетрадки, в который Майя-первоклассница рисовала нетвердой рукой первые закорючки. Школьная форма, в которой она пошла в первый класс – коричневая еще, с белым и с черным фартуком, которые отменили уже на следующий год. Подшивка журналов «Здоровье» за 1972 год с огромным количеством полезных советов на все случаи жизни...

И много чего еще было в этом шкафу. Всего и не упомнишь. Последний раз его разбирала мама, а мама здесь не живет уже почти пять лет...

Самым главным достоинством этого тяжелого, покрытого выцветшей и местами половившейся красноватой полировкой шкафа в данном случае было отнюдь не его содержимое. Все дело было в том, что шкаф запирался на ключ! И замок был необычный, какой-то странной конфигурации.

Замечательной конфигурации, мысленно добавила Майя. Именно такой, которая современному взломщику окажется не по зубам. Этот старый шкаф вполне сгодится на роль сейфа... При желании, конечно, замок можно вырубить топором, но это ведь сколько шума будет! Лоджия выходит во двор, а во дворе на скамейке практически в любое время суток сидят бдительные старушки... И нужно быть полным идиотом, чтобы рисковать своей свободой ради какого-то старого, пыльного, заброшенного шкафа, в котором ничего, кроме хлама, и нет...

Похвалив себя за находчивость и поругав за то, что раньше не сообразила про шкаф, Майя отыскала в тумбочке необычной формы ключ и отправилась на балкон устраивать хранилище для «клада». Полки в шкафу, как и ожидалось, были до отказа забиты пожелтевшими стопками журналов и тетрадей. На самой верхней полке лежала одежда и клубки шерсти, оставшиеся еще от бабушки.

«Вот и отлично», – подумала Майя, решив, что такое загромождение ей только на руку. Чихнула пару раз, поморщилась от стойкого запаха пыли и старой бумаги, и принялась выгружать в самой верхней полки круглые серые клубки и старые платяя. Насколько бы надежным

ни казалось место для хранения денег, все же лучше не оставлять коробку на виду, а засунуть подальше, для верности.

Нутро у шкафа было глубоким и очень вместительным. Стоя на цыпочках, кончиками пальцев она захватила конец какой-то старой кримпленовой юбки и облегченно вздохнула: наконец-то, полка свободная. Еще раз приподнялась, пошарила рукой, пытаясь дотянуться до внутренней стены шкафа.

Возле самой стены еще что-то лежало. Судя по всему, книга или какой-то толстый журнал. А может быть, тетрадка.

Это показалось ей немного странным: вещи в шкаф укладывала мама, а мама всегда была очень педантична в этом отношении. Книги и журналы имели в шкафу свою собственную, отдельную полку, и ни в коем случае не должны были находиться на полке с вещами и старой шерстью. Это называлось – беспорядок, а беспорядок мама очень не любила и всегда с ним боролась. Если бы на полку с одеждой журнал или тетрадку положила Майя – это было бы другое дело.

Но Майя не имела к этому шкафу никакого отношения. И если бы она положила на полку журнал или тетрадку – мама точно бы это заметила и непременно отругала бы ее, как в детстве, несмотря на то, что Майя давно уже стала взрослой.

Все это было немного странно и интересно. Майя придвинула к шкафу низкую табуретку, забралась на нее и извлекла с верхней полки обыкновенную старую тетрадку толщиной в девять листов, в сером клеенчатом переплете. Кажется, несколько таких тетрадей у нее было во время учебы в институте. Наверняка, какие-нибудь лекции по анатомии или психологии, подумала она с некоторым разочарованием. И зачем это, интересно, понадобилось маме хранить в старом шкафу ее институтские лекции? Да еще к тому же прятать их на верхней полке со старой одеждой?

Но тетрадка оказалась совсем не институтской. Майя поняла это сразу же, как только присела на табуретку и открыла первую страницу, исписанную ровным и очень мелким, бисерным почерком. Таким знакомым почерком...

Тетрадка оказалась – маминой.

Прочитав несколько первых предложений, Майя сразу же поняла, что это дневник. Хотя, судя по тому, что даты записей были нигде не проставлены, это был даже не дневник, а воспоминания... Или, может быть даже – рукопись...

Неприятное чувство осознания того, что она делает сейчас что-то недозволенное и неприличное, заставило ее на миг оторваться от исписанной страницы. Но только – на миг. Возможно, если бы первые строки этого странного послания к самой себе оказались бы другими, Майя закрыла бы дневник, справившись с болезненным любопытством.

Но, прочитав *эти* строчки, она уже не могла остановиться, поняв, что они обращены именно к ней...

Нет, я пишу это не для тебя. И даже не для себя, наверное. Может быть, я пишу это для своей дочери... Для нашей дочери, которая имеет право знать, что была рождена в любви.

Я пишу для нее, но обращаюсь все же – к тебе. Я просто привыкла за долгие годы разговаривать с тобой мысленно. Наверное, в этом все дело.

Ты помнишь тот день, когда мы встретились?

С тех пор сто лет прошло уже, кажется. Может быть, и не сто, а долгих двадцать, но для меня они были – как двадцать длинных, нескончаемых жизней, двадцать мучительных казней, каждую из которых пришлось пережить, перетерпеть до самой последней ее капли, и все-таки снова остаться живой, и снова – без тебя.

С утра было пасмурно, и я расстроилась, увидев серое небо и почерневшую воду. Вода и небо слились воедино на линии горизонта, образовали вокруг замкнутое и давящее простран-

ство. Собирался дождь. Дождь я всегда любила, но в тот день он оказался совсем не кстати. Это был последний день отпуска, в сумке лежал уже обратный билет на поезд, и мне очень хотелось в этот последний день насладиться еще раз солнцем, теплой водой и солеными брызгами.

Я мечтала о море с детства, но впервые увидела его в двадцать с лишним лет, выкроив две недели из напряженного рабочего графика и отправившись «дикарем» в Крым, в тихий поселок Мисхор, что в семидесяти километрах от Ялты. Я влюбилась в море с первого взгляда – в его прохладную синеву и соленый запах, в ракушки и камушки, которыми усыпан сероватый песок у кромки воды, в белые кудри волн и крики взволнованных птиц. Увидев все это, я подумала, что в прошлой своей жизни наверняка была рыбой... Или, может быть, птицей, летающей над морем. Или просто травинкой, тоненьким и кудрявым стебельком, счастливо и спокойно колышущемся на самом доньшике.

А может быть, я была просто запахом моря.

Шумом моря.

Или была его цветом.

Я была как-то связана с ним, это точно.

Едва увидев его, я сразу почувствовала, что вернулась туда, где когда-то была моя стихия. Каждая ракушка, лежащая на берегу, узнавала меня, песок поскрипывал под ногами, что-то шепта, а волны тихо радовались, касаясь моих ступней короткими и нежными поцелуями.

Дождь в последний день был совсем не кстати. Почерневшее море казалось чем-то рассерженным и даже опасным. Это незнакомое ощущение страха перед морем немой болью отдавалось в груди, и мне казалось, что это – фантомная боль, вернувшаяся ко мне из моей прошлой жизни в наказание за то, что когда-то я отреклась от своей стихии. Как Русалочка из сказки – оставалось только попытаться вспомнить, во имя чего было совершено это дикое отречение.

Оно сердилось, как будто не хотело меня отпускать.

«Зачем, ну зачем этот дождь», – тихо шептала я, медленно прогуливаясь вдоль кромки воды. Волны шумно разбивались о берег, с ног до головы обдавая солеными брызгами. Налетел холодный ветер, и я совсем продрогла в своем мокром платье, прилипшим к телу, как тонкая корка соленого льда.

Пляж был как раз напротив пансионата, но я не любила пляж и почти никогда там не купалась, разве что поздно вечером, когда находиться в отдаленных местах становилось опасным. Уже в первый день отдыха я отыскала и полюбила тихое укромное местечко в небольшом ущелье над песчаным обрывом. Вода здесь была всегда светлая и прозрачная, стаи мальков кружились у берега. Их чешуйчатые спинки светились под водой маленькой золотистой радугой, и каждая чешуйка отражала солнечный свет по-своему, отливала то синим, то зеленым, то ярко-розовым...

Но главное – здесь, в отдалении от пляжных баров и дискотек, совсем не было людей. Я приходила всегда на рассвете, раздевалась и некоторое время сидела на большом валуне, любуясь игрой красок, впитывая в себя каждый звук, цепenea от прикосновений ласкового соленого ветра.

Это было МОЕ СОБСТВЕННОЕ место.

Поэтому я очень удивилась, когда в свое последнее непогожее утро на море увидела вдруг на этом месте тебя.

Нет, не удивилась даже. Я была возмущена и дико расстроена. Я готова была кричать и топтать ногами – лишь бы побыстрее остаться снова одной, наедине с морем, которому я принадлежала.

Ты оказался третьим лишним, совершенно не нужным. На небе хмурились тучи, угрожая вот-вот пролиться ледяным дождем.

Все это было ужасно. Мне даже некуда было присесть, потому что ты сидел на МОЕМ камне.

Я остановилась в двух шагах, не зная, что делать. Тебя было трудно рассмотреть в лучах солнца – оно слепило глаза, и я видела лишь черный силуэт мужчины, который сидел, склонив голову на бок, и смотрел вдаль, не замечая ничего вокруг. Ты даже не заметил моего появления.

Не знаю, сколько времени это продолжалось, только вдруг где-то совсем близко вскрикнула чайка, и ты повернулся, чтобы увидеть ее, а вместо чайки увидел меня – босую, в мокром платье, с лицом, как у злого волчонка, обнаружившего незваных гостей в родительском логове.

– Привет, – сказал ты. – Не возражаешь, если я посижу немного здесь, на твоём камне?

Мне сразу понравился твой голос, но я не хотела себе в этом признаваться. Человеку в принципе не свойственно признаваться в симпатии к врагу. А в тот момент для меня ты был настоящий враг, который вторгся на мою территорию без объявления войны.

– Нет, – сказала я. – Возражаю. И откуда вы знаете, что этот камень – мой? Следили за мной, что ли?

– Нет, – ответил ты. – Просто это написано у тебя на лице. И давай уж сразу будем говорить друг другу «ты».

Я передернула плечами: еще чего! Я вообще не собиралась с тобой ни о чем разговаривать, и всем своим видом давала понять это.

– Не злишь, – сказал ты. – Лучшие иди сюда и сядь рядом. Я расскажу тебе о море. О море и... о тебе. Ты ведь, наверное, не знаешь, что раньше море было твоим домом, потому что ты была русалкой?

Я удивилась, услышав эти слова, и неуверенно пробормотала в ответ:

– Русалок не бывает.

– Бывают. То есть, сейчас их уже нет. Ты была последней русалкой в этих краях.

– В вашем возрасте пора бы уже начать читать что-нибудь посерьезнее сказок Андерсена, – я усмехнулась, но сердце забило сильнее, потому что я не могла понять: откуда ты ЭТО про меня знаешь?

Ведь я сама прожила на свете почти двадцать лет, а узнала – только теперь.

– Все это глупости. Только сказки достойны того, чтобы их читали и перечитывали – снова и снова. Только сказки. А все остальное, поверь, не имеет никакого значения. Иди сюда, ближе. Сядь рядом. Не бойся, я не причиню тебе зла.

Моя злость куда-то испарилась – отчасти, возможно, потому, что я была очарована твоим голосом. Я подошла и смогла наконец рассмотреть тебя – ты оказался большим, смуглым и черноглазым. Взгляд у тебя был цыганский, и волосы на голове слегка кудрявились, как шерсть у ягненка. Блестели и казались очень мягкими. Мне понравились твои волосы, даже захотелось их потрогать.

Но я сдержалась, села рядом и стала молча наблюдать, как поднимается из-за черных туч, заполонивших горизонт, ярко-красный диск солнца.

– Сегодня будет страшный дождь, – сказал ты, разглядывая облака с какой-то неуместной нежностью во взгляде.

– Ты обещал рассказать... Про меня, – напомнила я, почему-то уже поверив, что ты расскажешь что-то очень важное.

– Ах, да. Последняя Русалка. Тебя звали Арзи...

– Арзи? Странное имя! Не русалочье!

Имя мне, на самом деле, не понравилось, я даже захотела попросить тебя, чтобы ты придумал другое.

Все равно ведь, все это неправда.

Хотела попросить – но не попросила. Что-то меня остановило. Сама даже не знаю, что.

Ты улыбнулся в ответ.

– Русалкой ты стала уже потом. А сначала была просто девочкой. Да, ты не любила это имя. И даже часто не отзывалась на него, когда была маленькой, надеясь, что взрослые устанут звать тебя этим именем и придумают тебе другое.

Здесь, на крымском побережье, в маленькой деревушке Мисхор твой отец выращивал виноград и персики. Абу-ака его звали, и больше всех на свете он любил свою красавицу-дочку. Черноокая Арзи была прекрасна, как утренний свет. Ее длинные черные волосы, заплетенные в сорок тонких косичек, сбегали по плечам до самых колен, струились вниз, как струятся тонкие ручейки в потоке горной речки. Глаза у Арзи были черными, как ночное небо над цветущими в садах яблонями, губы – пурпурными, как спелые вишни, а нежные ее щеки были румяными, как персики...

Я сидела, притихшая, и зачарованно слушала сказку. И странное чувство росло внутри меня – я словно бы вспоминала все то, о чем ты рассказывал, и так ясно видела и себя саму, и всех, кто меня окружал, и отца своего, и даже виноград в саду...

Мне стало страшно от этого, и я хотела даже попросить тебя остановиться – но не смогла вымолвить ни слова, как будто губы мои кто-то слепил невидимой клейкой лентой, наложив печать молчания...

– Все село любовалось прекрасной Арзи, и даже из других деревень люди часто приходили смотреть на девочку, узнав от других людей о ее необыкновенной красоте. Но недобрый глаза положил на красавицу Арзи хитрый и старый купец Али. Поговаривали, что вместе с товарами на кораблях своих провозил он в Стамбул редких красавиц, и продавал их за несметные сокровища турецким шахам в их гаремы...

Шли годы, красавица Арзи подрастала и с каждым днем становилась все прекраснее. Настал день, и превратилась она в прекраснейшую из женщин, о которой теперь мечтали, засылая каждый день сватов в дом к Абу-ака, все мужчины в округе. Молодые и старые, бедные и богатые – каждый хотел привести в дом красавицу-жену и разделить с ней супружеское ложе.

Однажды, прогуливаясь возле фонтана, повстречала красавица Арзи молодого и веселого парня из соседнего села. И с того дня поселился он у нее в сердце, и ни о ком другом уже не могла думать девушка, только с ним одним мечтала разделить жизнь свою, стать ему верной женой.

Настал день, и прислал возлюбленный юноша сватов в дом Абу-ака. Подумал было отец, что не хочется ему отдавать любимую дочь свою в чужое село, но по одному только взгляду прекрасной Арзи понял, как сильно она мечтает стать женой этого юноши, и дал свое согласие.

Накануне свадьбы рано утром, до рассвета, встала Арзи и тихонечко вышла из дома, чтобы попрощаться с морем и любимым фонтаном. С медным кувшином в руках спустилась она к струящейся горной речке и подставила его под прохладные струи воды. Тихо напевая, раздумывала прекрасная Арзи о том, как сложится жизнь ее вдали от родного селения. Жалко было расставаться с отцом, но без возлюбленного жизни своей она не мыслила.

И не подозревала несчастная Арзи, что в это время за ней неотступно наблюдает пара грозных очей...

Послышался вдруг легкий шум, и две руки крепко обхватили Арзи. Закричала она, но крепкие большие ладони заткнули ей рот, накинули на голову темный плащ, а сверху связали веревками.

А когда прибежали на крик односельчане и несчастный Абу-ака, было уже поздно. В трюме купеческого судна красавица Арзи плыла в Стамбул, чтобы стать наложницей самого турецкого султана.

Тосковали о бедной девушке все жители деревни. Больше всех убивался отец родной и жених нареченный. А фонтан, у которого повстречала Арзи своего суженого, зачах...

Тосковала и несчастная Арзи по родному дому, по отцу, по суженому...

Вскоре родила она девочку. Но ребенок не принес облегчения ее душе. Ровно через год после того, как разбойники силой увезли ее в далекий край, поднялась Арзи с ребенком на угловую башню султанского сераля и бросилась в пучину Босфора.

И в тот самый вечер, когда это случилось, жители деревни увидели, как к фонтану и берега Мисхора подплыла печальная русалка с младенцем на руках. И с тех пор каждый год в тот же самый день подплывала русалка Арзи к берегу и сидела у фонтана, глядя печальным взором на родную деревню. И потом, опустившись в морские волны, исчезала в них до следующего года...

Ты замолчал и долго смотрел на море, вдаль, словно надеясь разглядеть в темных волнах ту самую русалку...

– А юноша, ее нареченный? Что с ним стало? – спросила я напряженно, чувствуя, что твой ответ для меня очень важен.

Ты вздрогнул, услышав мой голос – как будто совсем не ожидал увидеть меня здесь. Долго и пристально смотрел в глаза, потом грустно улыбнулся и тихо сказал:

– А что – юноша? Юноша погрузил и женился на другой.

– Но почему? – мне стало больно от этих слов. – Ведь он любил Арзи! Ведь это легенда, а в легендах все должно быть по-другому...

– Он любил Арзи, – согласился ты, по-прежнему улыбаясь. – Но ту, другую девушку, он любил тоже...

Я едва не плакала, а ты смотрел на меня и смеялся. Потом сказал:

– Глупышка. Да что с тобой? Эту легенду здесь все знают, неужели ты ее ни разу не слышала? И фонтан этот на набережной до сих пор стоит, и бронзовая русалка с ребенком на руках из воды поднимается... Не ездила, что ли, на экскурсию по городу?

– Нет, – я закусила губу, чтобы не расплакаться. – Не ездила. Я весь отпуск здесь провела, у моря. Мне море важнее, чем экскурсии.

Ты кивнул, соглашаясь. Но смотрел по-прежнему с насмешкой.

– Странная ты... И... хорошая очень. У тебя глаза необыкновенные. Ты, правда, похожа на русалку.

Я отвернулась и тихо сказала:

– Если бы я на самом деле была русалкой, ни за что в жизни не согласилась бы променять жизнь под водой на земную жизнь.

– Не зарекайся. Ведь сейчас ты здесь. А значит, тому есть причина.

– Да, сейчас я здесь, – задумчиво повторила я. – Но для чего? Для чего я покинула море?

– Как знать. Возможно... Возможно, для того, чтобы встретить меня.

Ты говорил правду – но тогда я этого еще не знала...

Усмехнувшись твоим словам, тихо сказала:

– Жаль, не получится увидеть русалку. Я сегодня вечером уезжаю...

– Жаль, – согласился ты и взял меня за руку. – А может быть, останешься? На три дня всего, а потом вместе поедем... Останешься?

– Нет, – сказала я. – Не останусь.

– Останешься. Вот увидишь.

Двадцать лет уже прошло, а я так отчетливо помню этот день, как будто все случилось только вчера. Дождь застал нас на берегу. Молнии сверкали на почерневшем небе хищными желтыми змеями. Ты прижимал меня к себе, украдкой целовал мои мокрые волосы, а я все делала вид, что ничего такого не замечаю. Это была такая игра, и мне она ужасно нравилась. Только хотелось большего, нестерпимо хотелось, и тогда я сама подняла наверх мокрое лицо и нашла в сверкающей яркими бликами темноте твои губы. И прежде, чем поцеловать тебя, прошептала:

– Останусь...

Я и в самом деле осталась с тобой – на три дня.

Такой короткий срок был у нашей любви.

А потом наступила разлука.

Я знала о ней. Предчувствовала ее, осящая невидимой тенью. Она была рядом с нами – пряталась в парке под каштанами, за большими валунами на морском берегу, под окнами гостиничного номера, где мы любили друг друга так, как будто каждый раз был последним.

Провожая меня на вокзале, ты сказал, пряча глаза:

– Хочется, милая, сказать тебе, что мы скоро увидимся. Хочется сказать, что мы будем вместе всегда. Только я не могу...

– Почему? – спросила я, глотая слезы. – Ведь ты любишь меня, я знаю. И не думай даже меня обмануть, не получится. Не смей говорить, что не любишь...

– Люблю. Люблю тебя, Анечка. И всегда буду любить. Жаль, что мы поздно встретились с тобой...

– Но почему? – снова спросила я, на этот раз отчаянно, почти плача. – Даже если ты женат...

– Да, я женат. Извини, что не сказал тебе сразу. Я женат на замечательной девочке... На маленькой и хрупкой девочке с очень больным сердцем. У нас есть ребенок. И... я люблю ее, Аня.

«Он любил Арзи, – сразу же вспомнила я твои слова. – Но ту, другую девушку, он любил тоже...»

И мне вдруг стало ясно – у тебя два сердца.

Но одно из них – то, которое главное – принадлежит не мне...

Мой поезд уже дал гудок к отправлению. Глотая слезы, я заспешила к своему вагону. Ты догнал меня, схватил за плечи и прижал к себе так, что у меня хрустнули косточки.

– Прости, – прошептал, покрывая мелкими торопливыми поцелуями лицо, шею и залитые слезами глаза. – Прости меня, моя любимая... Я должен быть с ней... Иначе нельзя. Но я всегда буду любить тебя. Буду любить и помнить мою девочку... Мою русалку...

Я вскочила на подножку, а ты вдруг достал из кармана и протянул мне половинку большой перламутровой раковины.

– Возьми. Это я нашел на берегу в тот день, когда мы познакомились. Вторая половинка у меня. Кто знает, может быть, когда-нибудь...

Я сжала свою половинку в ладони.

А дальше случилось невероятное. В моей руке раковина будто вспыхнула, и на короткий миг мне показалось, что я сжимаю в ладони горящий уголь...

Вскрикнув, я разжала пальцы, и раковина упала вниз, на железный пол вагонного тамбура. Следом за ней упало вниз и перестало биться мое сердце – я вдруг поняла, что по неосторожности могла бы потерять твой подарок. Наклонилась и быстро подняла раковину, ни на секунду не побоявшись снова обжечься.

Страх потери оказался в сто крат сильнее страха физической боли.

– *Может быть, когда-нибудь...* – тихо повторил ты, и я заметила, как в твоих глазах сверкнули слезы.

Поезд, громохнув колесами, сдвинулся с места. Ты еще долго шел рядом, потом бежал. Мы не могли сказать друг другу ни слова, потому что нет на свете таких слов, которые сумели бы передать все то, что мы тогда чувствовали.

Слова были лишними.

Уже потом, когда я совсем потеряла тебя из виду, ко мне подошла проводница и попросила освободить тамбур, потому что находиться в нем при открытой вагонной двери было опасно.

Я не поняла ни слова из того, что она мне говорила, но послушно отошла в сторону, повинаясь интонации ее голоса.

Оказавшись в своем купе, я присела у окна и долго смотрела на мелькающие перед глазами стволы деревьев и серые облака на далеком горизонте, сливающимся с морем, которое меня не простило.

Теперь я знала: это оно, море, придумало для меня такое изощренное наказание, такую немыслимую пытку. Это оно заставило меня узнать, что ты есть на свете, полюбить тебя и потерять – навсегда. Соединило и тотчас разъединило две половинки одного целого, раскидало по миру, как обломки погибшего корабля, как две песчинки из своего подводного царства...

Свою половинку раковины я еще долго сжимала в ладони. Пальцы затекли, стало ломить в суставах. Я разжала их, и почти не удивилась, увидев на ладони длинную красную полоску – след от ожога.

Коробка со сложенными в аккуратную стопочку сотенными купюрами стояла рядом, на полу.

Майя про нее совсем забыла.

* * *

День в офисе компании «Ваш дом» всегда начинался суматошно.

Арсений, едва успевая забросить Федора в школу, всегда появлялся в офисе именно в тот момент, когда его меньше всего ждали. И это было странно, потому что появлялся он всегда в одно и то же время, с максимальной разницей в пять минут, но на лицах у женской половины коллектива, raspивающей традиционный утренний кофе и щебечущей, как стайка весенних воробьев, в приемной, при виде директора всегда появлялось недоумевающее и немного виноватое выражение.

Создавалось такое впечатление, что они его и не ждали вовсе. Как будто его вчера только похоронили, в землю закопали, траурные речи сказали, как полагается, а он взял, наплевал на все, воскрес – и снова приперся на работу. С ума сойти можно.

«Странный народ», – хмуро подумал Арсений. Или, может быть, все это ему просто кажется? Может, просто нервы подлечить надо?

– Здравствуйте, Арсений Афанасьевич, – отчеканивая каждую букву его имени-отчества, пролепетала полногрудая Ляля Воробьева, менеджер отдела маркетинговых исследований, и устала на него, не мигая.

Нестройный хор женских голосов подхватил ее соло.

Арсений вздохнул. Уволить их всех к чертовой матери, что ли? А если не всех – то хотя бы половину... Бабы, они и есть бабы, даром что менеджерами да бухгалтерами зовутся, все равно по телефону чирикают и сплетни на хвостах разносят.

Хотя, с другой стороны, кого увольнять-то? Лялька Воробьева, к примеру, хоть и пялится в любую свободную минуту в зеркало, но дело свое знает. Сотрудник она бесценный, без нее

маркетинговый отдел зачихнет, как пить дать. Ирка Жарикова, хоть и производит впечатление меланхоличной девицы, но бухгалтер отличный, премиальные свои не зря получает... Ирке Жариковой, пожалуй, нужно даже зарплату прибавить, она заслужила... А Тома Шведова – великолепный технолог, ее никому ни за какие деньги отдавать нельзя...

Есть еще Ася Борисова, секретарь... И Асю тоже не уволишь так просто, потому что... потому что...

– А ну-ка, все по своим местам, – почти рявкнул Арсений, почему-то на себя разозлившись. – Мужики все делом заняты, с утра уже никого в офисе нет, а вы все трывните! Чтоб через минуту в моей приемной никого не было! Ляля, с тебя отчет, ты вчера обещала доделать! И заявку на тендер – подготовила?

– Подготовила, Арсений Афанасьевич, – энергично кивнула Ляля и двинулась царственной походкой в сторону выхода. Не пошла, а поплыла... Одно слово – лебедушка...

– И чего это вы, Арсень Фанасьч, с утра такой злой бываете? – меланхолично зевнув, промурлыкала бухгалтерша Ира Жарикова и уплыла вслед за маркетологом Лялей.

«Развели мне тут... лебединое озеро», – мысленно пробухтел Арсений и скрылся за дверью своего кабинета, на ходу поправляя галстук.

И чего это он, кстати, как дурак, приперся на работу в пиджаке и в галстук? Можно подумать, у него на сегодня какая-то сверхважная встреча запланирована... Так нет ведь, ничего такого не запланировано. Просто джемпер...

Ну да, джемпер же он вчера облил апельсиновым соком во время праздничного застолья. Вернее, не сам облил, а с помощью Федора, ну да это не важно... А другой джемпер тоже уже целую неделю грязный лежит. А третий джемпер...

А третьего джемпера у него почему-то нет.

Нужно срочно купить третий джемпер. А заодно и четвертый, мстительно подумал Арсений. А еще лучше – купить штук пятнадцать джемперов и завести себе наконец домработницу, чтобы она сдавала джемпера в химчистку. А что? Легко! Все-таки, он директор преуспевающей фирмы. Может себе позволить пятнадцать джемперов и домработницу. И даже тридцать джемперов и двух домработниц! И даже...

В этот момент замигал коммутатор, и мысли о собственном благосостоянии, измеряемом количеством джемперов и домработниц, пришлось с некоторой грустью оставить. Вот ведь, до чего бабы довели, а? Раздражают они его в последнее время – до крайности... Так недолго стать женоненавистником...

– Алло! – сердито произнес он в трубку.

– Арсений Афанасьевич, Жидков на первой линии, – пропел в трубку Асин голосок. – Соединить?

– Какого черта он мне звонит? – все так же недовольно пробурчал Арсений. – То есть, я хочу сказать, какого черта он звонит мне не на сотовый?

– Я не знаю, – терпеливо ответила секретарша.

Арсению стало немножко стыдно. В самом деле, ей-то откуда знать, с его это заместителю шефа вздумалось позвонить ему на городской номер.

– Соединяй, – примирительно сказал он, и даже добавил коротко: – Ася...

За что тут же себя возненавидел. Потому что это короткое добавление было совершенно ни к чему.

– Слушаю.

– Это я тебя слушаю! – сразу же завелся на том конце Дмитрий Жидков, его первый и единственный заместитель. – Во-первых, какого черта ты мобильник отключил? А? Ну, чего молчишь?

– Я? Отключил мобильник? – удивился Арсений и поискал в кармане сотовый телефон.

– А кто же, мать твою, еще мог отключить твой мобильник?! Я, что ли? Или тетя Маша-уборщица? – продолжал рычать в трубку единственный заместитель.

– Нашу уборщицу зовут тетя Даша, – механически возразил Арсений, тупо уставившись в экран своего телефона. Так и есть, телефон не работает. Наверное, батарейка по дороге разрядилась.

– Да хоть дядя Степа ее зовут! Мне это сейчас не важно!

– А что тебе сейчас важно? – поинтересовался Арсений у заместителя. Странный день какой-то, все друг на друга орут.

– Ты, значит, забыл, да? Забыл?

– Да о чем я забыл? – не выдержал Арсений и заорал в ответ. – И вообще, ты чего на меня орешь так, как будто это ты мой начальник?

– Начальник! Да таких начальников... – дальше шло нецензурное ругательство.

– А если я тебя уволю? – поинтересовался он у заместителя, терпеливо выслушав матерную тираду.

– Увольняй! – не сдавался зам. – Только я тебя вперед уволю!

– Не имеешь права! И за что это, интересно, ты собрался меня...

И в этот момент Арсений вдруг вспомнил: гостиница!

Гостиница на полторы тысячи квадратных метров, четыре этажа, тридцать шесть номеров, два ресторана, бар, бассейн, сауны. Под ключ, приветствуются решения из дерева... Неужели?!

– Мить, постой... Неужели... Неужели гостиница?

– Гостиница, мать твою! Вспомнил наконец-то! А кто вчера мне обещал пораньше быть на работе? И если что – стрелой мчаться в офис заказчика, а? Обсуждать проект договора? Подписывать бумаги кто обещал, а? А он мобильный телефон отключил, мальчика из меня делает!

– Неужели срось? – продолжал удивляться Арсений.

Тендер на строительство мини-гостиницы в курортной зоне левобережья был объявлен еще две недели назад. Для «Вашего дома» этот заказ был очень важен. Но конкурентов, желающих выступать в роли подрядчиков, оказалось много, это выяснилось в первый же день. Арсений был уверен, что шансов почти нет.

И вот теперь оказывается, что его гениальный зам все же сумел разогнать всех конкурентов и убедить заказчика, что только «Ваш дом» сумеет воплотить проект в жизнь в кратчайшие сроки, обеспечить максимальное качество, да при этом еще выгодные цены...

– Мить, если не врешь, с меня бутылка коньяка! – радостно сообщил Арсений, забыв о том, что еще минуту назад заместитель вел себя с ним непозволительно и даже ругался матом.

– Бутылкой коньяка не отделаешься, – уже более спокойно отозвался Жидков. – Это мы потом обсудим. А сейчас давай срочно сюда... И не забудь... Не забудь, слышишь? Эскизы фасада и интерьера, поэтажные планы... Расчетную смету на проект... В общем, сам знаешь, что я тебе тут толкую!

– Знаю, знаю! Не забуду! Мить, ты у меня гениальный заместитель, правда!

– Да заткнись ты, Волк, – добродушно ответил Жидков. – Тошно мне тебя слушать. И телефон свой включи дурацкий!

– Включу, обязательно! Вот сейчас дойду до машины, поставлю его на зарядку, и он сразу заработает... честное слово!

– Ладно, давай. Жду тебя. Надеюсь, за двадцать минут успеешь.

– Успею за пятнадцать! – уверил его Арсений и помчался заводить машину.

Настроение было замечательным. Ну и что, что заместитель обругал его матом. В конце концов, он имел на это некоторое право.

Хотя бы потому, что рос со своим будущим директором в одной песочнице.

В офис они вернулись через два часа, оба уставшие и оба довольные сверх всякой меры. Однако до обеда было еще много времени, и расслабляться было нельзя. Жидков, захватив кое-какие бумаги, проглотил чашку обжигающего кофе, надкусил бутерброд и умчался по своим делам на стройку.

Арсений кофе пить не стал и с ходу углубился в отчет о международной специализированной строительной выставке, подготовленный маркетинговым отделом. Выставка проходила неделю назад во Франкфурте, Арсений сам поехать не смог, потому что не с кем было оставить заболевшего scarлатиной Федьку. Подробный отчет был щедро снабжен профессиональными и качественными фотографиями, а также большим количеством пояснений технологического характера. Прайс, естественно, прилагался. На завтрашней летучке этот отчет будет основной темой, а пока Арсению предстояло с ним очень тщательно ознакомиться.

На ознакомление ушел еще целый час. На это время он попросил секретаршу ни с кем, кроме определенной и очень важной группы людей, его не соединять. На исходе часа он сам нажал на кнопку внутренней связи.

– Ася, принеси мне пособие к строительным нормам и правилам по проектированию асбестоцементных конструкций, – коротко попросил и отключился.

Ася появилась в кабинете через минуту, неслышно закрыла дверь, неслышно подошла к столу и положила на стол СНиП. Который, по большому счету, не больно-то сейчас Арсению был нужен.

– Спасибо, – сказал он, не глядя, и стал напряженно ждать, когда она повернется и выйдет.

Ася не поворачивалась и не выходила. Все так же стояла у стола, и ее тень лежала поверх нагроможденных бумаг.

Пришлось поднять глаза и через силу улыбнуться.

Сам ведь хотел, чтобы она пришла. Чего теперь выпендриваться, спрашивается?

– Устал? – тихо спросила Ася. Подошла ближе и положила руки на плечи.

Год назад она стала его любовницей.

* * *

Анастасия Борисова, худенькая почти до прозрачности девушка с таким же невесомым облаком светлых волос и бархатными карими глазами работала в офисе «Вашего дома» практически со дня его основания.

Шесть лет назад она пришла сюда на собеседование. Робко приоткрыла дверь в кабинет, извинилась, спросила, можно ли войти. Вошла, села и протянула Арсению смешные какие-то корочки, свидетельство об окончании курсов секретарей-референтов. Пока Арсений апатично просматривал корочки, девушка теребила в руках сумочку из кожзаменителя, опустив глаза долу.

Анастасия Борисова Арсению сразу не понравилась. И корочки ее несерьезные не понравились, но больше всего не понравилась эта неуместная детская застенчивость. Для полноты картины не хватало только, чтоб девушка еще и заикалась.

Девушка, как выяснилось чуть позже, не заикалась. Но это ее не спасло.

Задав пару-тройку ничего не значащих вопросов, Арсений вернул обратно «ценный документ». Сделал вид, что внимательно читает резюме, а на самом деле лишь пробежал глазами, вяло отметив, что у девчонки высшее математическое образование. Спрашивается, чего приперлась секретаршей-то наниматься? Шла бы себе в школу, детей уму-разуму учить, или в ВУЗ какой-нибудь, или занялась бы наукой... Да мало ли где в наше время могут быть нужны математики!

Тогда он ее запомнил. И даже не саму ее, а нервные движения тонких пальцев и тихий голос, который его, как потенциального начальника, раздражал до крайности.

– Мы вам позвоним, – пообещал он Асе и вздохнул облегченно, когда она освободила кабинет от своего присутствия.

Буквально следом за ней вихрем ворвалась следующая претендентка. Уверенно уселась в кресло напротив, обворожительно, но без всякого кокетства, улыбнулась, заявила, что никаких корочек у нее нет, зато есть опыт работы. Делопроизводство знает, как свои пять пальцев, с компьютером давно на «ты», кофе варит замечательный.

Арсений открыл трудовую книжку, которую претендентка принесла как доказательство наличия опыта работы. Два года стажа в качестве секретаря закончились увольнением по собственному желанию.

– Почему уволились? Конфликт был в коллективе? – осторожно осведомился Арсений.

– Нет, – девушка мотнула головой, волна каштановых волос заблестела, как в рекламном ролике нового шампуня. Внешность у нее тоже была безупречная. – Зарплата меня не устраивала. Я больше стою, чем они платили.

Арсений удовлетворенно кивнул. Хороша девица. Цену себе знает, держится уверенно, глазки не строит. С опытом работы. И с внешностью, опять же, что немаловажно. Да и кофе варить умеет... Если не врет, конечно...

– Подождите в приемной, – решил Арсений. В глубине души он уже был уверен, что всем остальным претенденткам откажет, а эту – возьмет на работу.

Так и оказалось – следующие три девушки явно на должность не подходили. Одна вообще не знала компьютер (зачем пришла, спрашивается?), другая была вроде бы опытная, но до того страшенькая, что одним своим видом могла распугать всех клиентов. Третья недвусмысленно заостряла внимание на своем сверх всякой меры глубоком декольте и до такой степени сладко мурлыкала, что Арсения затошнило.

Единственная подходящая претендентка снова была вызвана в кабинет. Было решено – к работе она приступит с понедельника, пока на испытательный срок. Через две недели, если все будет нормально, ее оформят официально.

Собеседование проходило в пятницу.

В понедельник Арсений, в предвкушении первой порции своего директорского кофе, полученного из рук секретарши, пришел на работу, но секретаршу в приемной не обнаружил. Весь день названивал на ее домашний номер, но трубку никто не брал. Сотовый тоже молчал. Секретарские обязанности выполнять было некому, пришлось делить их на пару с замом, отчего оба бесились страшно.

На следующий день ситуация повторилась.

А на третий день девушка позвонила сама, извинилась и сказала, что передумала у них работать. Арсений бросил трубку, не став выслушивать дальнейшие объяснения.

Со дня открытия прошло уже полтора месяца, а у них до сих пор не было секретаря!

Что было делать? Снова затевать историю с газетными объявлениями и бесконечными собеседованиями? Ну уж нет, увольте, подумал тогда Арсений, отыскал в ящике стола стопку резюме отвергнутых претенденток и принялся названивать всем по очереди.

И так уж вышло, что никого, кроме Анастасии Борисовой, в тот момент дома не оказалось. И мобильные номера почему-то тоже ни у кого не отзывались. Только тихая, ужасно раздражающая своего будущего начальника Ася сняла трубку и робко сказала:

– Я ждала вашего звонка...

На следующее утро он обнаружил ее в приемной.

Она сидела за столом прямо, будто кол проглотила. В белоснежной, идеально отглаженной блузке, с красивым маникюром и волосами, перехваченными на затылке в короткий и жибленький хвостик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.